

Наталья Александрова

Клеймо сатаны

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Клеймо сатаны

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Клеймо сатаны / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-17-117060-8

Легенда гласит, что на каждого, кто будет владеть маленькой серебряной табакеркой с выгравированными на крышке буквами «М» и «R», падет проклятье. Когда-то ею владел известный французский революционер Максимилиан Робеспьер. Но гравировка на крышке — не просто инициалы бунтаря-якобинца... Скромному администратору фотоателье Веронике поручают выбрать для шефа, Михаила Рубцова, подарок ко дню рождения. И после покупки маленькой французской табакерки с инициалами начальника жизнь Вероники кардинальным образом меняется, а вокруг начинают происходить загадочные события. Объяснение этому может быть лишь одно — гравировка «М» «R» означает *Malignus Rex*, клеймо сатаны. Ранее книга издавалась под названием «Табакерка Робеспьера».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117060-8

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Наталья Александрова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Александрова

Клеймо сатаны

Наступил тот самый темный, самый тяжелый час ночи, когда город пустеет, когда почти все его улицы вымирают и даже редкого прохожего не встретишь на них. В этот час длинная черная машина свернула с Обводного канала, проехала пару кварталов по Лиговскому проспекту, заехала в неприметный переулочек и остановилась возле глухого высокого забора, огораживающего заводскую территорию.

Мотор затих, и наступила ничем не нарушаемая тишина.

Трудно было поверить, что совсем недалеко отсюда находится Невский проспект, где даже в такой поздний часлюдно и оживленно, где светятся витрины ресторанов и ночных клубов, где тысячи людей снуют в поисках новых знакомств и новых впечатлений.

Дверца машины открылась, из нее вышел довольно высокий и плотный человек с длинным лицом и наголо выбритой головой. Оглядевшись по сторонам, он подошел к заводскому забору. Еще раз оглядевшись и убедившись, что вокруг нет ни души, он нажал на какую-то незаметную со стороны кнопку, и в глухом заборе открылась маленькая калитка.

Бритоголовый мужчина проскользнул в нее, слегка пригнувшись, и закрыл калитку за собой.

Теперь он находился на заводской территории.

И он был здесь не один...

Со всех сторон его окружали безмолвные неподвижные человеческие силуэты, выступавшие из темноты, тянувшие к незваному гостю руки, – разного роста, разного телосложения, молодые и старые, бородатые и безбородые...

Это был не обычный завод. Здесь делали не токарные или фрезерные станки, не детали автомобилей и тракторов, не дешевую стандартную мебель, не медицинское оборудование, не строительные материалы, не оружие.

Это был знаменитый завод «Монументскульптура», созданный в двадцатых годах прошлого века, когда молодая Советская республика приняла решение построить и поставить по всей стране сотни и тысячи памятников вождям революции, пламенным борцам за свободу и деятелям марксизма.

Собственно, памятники им начали возводить буквально с самых первых дней революции, но тогда под рукой не было достаточно прочных материалов, и первые памятники знаменитым революционерам вскоре начали разрушаться.

Тогда и организовали этот завод на базе частной литейной мастерской.

Здесь после войны заново создали знаменитую статую Самсона для Петергофского каскада, восстановили и многие другие статуи и памятники, но основными изделиями «Монументскульптуры» были бесчисленные памятники Ленину, Марксу, Энгельсу и прочим вождям мирового пролетариата.

Заказов на эти памятники было множество – ведь не только каждый самый маленький городок районного подчинения, не только каждый поселок городского типа должен был иметь как минимум один памятник Ленину, возвышающийся на центральной площади или перед железнодорожным вокзалом: такие памятники стояли в школах и на заводах, в институтах и больницах.

Прошло время, марксизм-ленинизм перестал быть единственно верным учением, и заказы на памятники вождям пролетариата прекратились. И даже те памятники, которые были заказаны и изготовлены, никто не спешил забирать. Во дворе завода выделили большой участок, куда составили всех этих невостребованных вождей. И уже долгие годы здесь, под дождем

и снегом, стояли в полном беспорядке, как солдаты отступающей армии, десятки бронзовых и гранитных Марксов и Энгельсов, Кировых и Свердловых, Куйбышевых и Дзержинских и многие сотни Ульяновых-Лениных.

Правда, в последние годы среди обеспеченных людей появилась странная мода ставить памятники вождям пролетариата на своих загородных участках, и руководство завода сумело продать домовладельцам несколько монументов, но эта мода продержалась недолго, и бронзовая армия на заводской территории не потеряла и половины своего личного состава.

Именно на этот участок, заставленный не востребованными бронзовыми и гранитными вождями, попал, проникнув на завод, бритоголовый человек. Он уверенно шел среди Лениных и Марксов к какой-то хорошо известной ему цели.

Вдруг за его спиной раздался окрик:

– Стой!

Мужчина замер и обернулся, но не увидел никого, кроме бесчисленных монументов.

– Где... где вы?.. – проговорил он, внезапно почувствовав странную слабость и страх.

– Мы везде, – ответил ему гулкий неживой голос, и несколько бронзовых статуй, сдвинувшись со своих мест, медленно приблизились к бритоголовому.

– Мы везде – и нигде, разве ты еще не запомнил? – и статуи гулко рассмеялись.

Теперь они стояли, окружив бритоголового плотным кольцом, – бородатый Маркс, Ленин в неизменной кепке, Дзержинский в долгополой шинели, круглолицый Киров и затесавшаяся в эту мужскую компанию женщина: то ли Инесса Арманд, то ли Жанна Лябурб, то ли вообще Роза Люксембург.

– Я никак не могу привыкнуть к вашему чувству юмора, – проговорил бритоголовый.

Он достал из кармана клетчатый платок и вытер выступившую на лбу испарину.

– А ты и не должен к нему привыкать, – ответил бронзовый Дзержинский. – И мы пригласили тебя вовсе не для того, чтобы шутить. У нас есть для тебя поручение.

– Я слушаю вас.

– До нас дошли сведения, что в городе всплыл один очень важный артефакт. Артефакт, принадлежавший одному из великих мастеров прошлого. Ты должен найти его, должен завладеть им, чего бы это ни стоило! Обладание этим артефактом поднимет роль нашей логи, она выдвинется в первый ряд, а ты...

– А я? – переспросил бритоголовый взволнованно.

– Ты получишь звание мастера и будешь с почетом принят Великой Черной ложей Севера.

– Я сделаю все, что от меня зависит, мастер! – негромко проговорил бритоголовый. – Что это за артефакт? Где его искать?

– Тсс! – Одна из статуй прижала палец к губам. – Охрана!

И впрямь неподалеку раздалась приближавшиеся шаги и приглушенные голоса.

Бритоголовый встал рядом с бронзовым Дзержинским, вытянул руки по швам и замер, словно окаменев.

Голоса приближались, и вскоре появились двое мужчин в униформе охранников.

– Чего их охранять-то? – недовольно говорил тот, что помоложе. – Чай, не разбегутся!

– Порядок такой! – возразил второй, постарше. – А вдруг им за водкой сбежать приспичит?

– Что?! – Молодой охранник уставился на напарника и вдруг захохотал. – Шутишь, Степаныч! За водкой!

– А что? – Степаныч огляделся и показал на один из памятников. – Вот этот, к примеру, явно был не дурак выпить!

– А кто же это такой? – заинтересовался парень. – Не Ленин, не Маркс... Вроде его здесь вчера вообще не было!

– Да чего ты несешь? Ты что, всех их помнишь? Это, я так думаю, Котовский. Видишь, побрит наголо!

– Котовский? – переспросил парень. – Кто такой, почему не знаю?

– Потому что ты серый, – раздумчиво ответил Степаныч. – Серый и необразованный. Котовский – это герой Гражданской войны... голову наголо брил.

– Как Бондарчук, что ли? – переспросил молодой.

– Сам ты Бондарчук! Ну ладно, пойдем дальше, нам еще ходить и ходить!

Охранники удалились. «Котовский» размял затекшие руки и повернулся:

– Они ушли! Сколько еще нам придется таиться, прятаться, пугаться каждого шороха?

– Недолго! – ответил ему мертвый голос. – И многое зависит от тебя, от того, как ты выполнишь наше поручение!

– Так что это за артефакт?

Одна из статуй приблизилась к нему, превратившись в живого человека, и протянула плотный конверт:

– Все, что тебе понадобится, – здесь. Фотографии самого артефакта и все сведения, которыми мы располагаем. Здесь, конечно, не все, но ты должен проявить свои способности, ведь на кон поставлено очень много. От твоего усердия, от твоей ловкости зависит и судьба логи, и твоя собственная карьера. Если ты удачно справишься с этим делом, возможно, ты будешь представлен Ему...

– Великому мастеру? – взволнованно переспросил бритоголовый.

Ответа не последовало.

Он огляделся по сторонам – но вокруг были только статуи, безмолвные бронзовые и гранитные изваяния.

– Куда ты поставил мейсенскую пастушку?

Леша вздрогнул и оторвался от книги. Момент был самый неподходящий – частный детектив уже подбирался к разгадке кошмарного убийства.

– Что, Алексей Арнольдович? – переспросил он хозяина.

– Еще и глухой! – Старик возвел глаза к потолку. – Нет, никогда нельзя брать на работу родственников!

– Я не глухой, – надулся Леша. – Я просто отвлекся... задумался... замечтался...

– Задумался? – старик фыркнул. – По-моему, думать ты вообще не умеешь, отвлекаться тебе не от чего, а мечтать не о чем. Ну так все же, куда ты поставил мейсенскую пастушку?

– Это такую кудрявую, в розовом платье, с овечкой?

– Ну да! – раздраженно проговорил старик. – Кудрявую! В розовом! С овечкой! Господи, это просто ужас!

– Да вот же она, в левом шкафу на второй полке! – гордо сообщил Леша. – Видите, никуда не делась! На месте ваша пастушка!

– На месте? – старик побагровел. – Спрашивается, какого черта ты ее сюда поставил?

– Как – какого? – Леша обиделся. – Она же в розовом, и здесь все розовое!

– Розовое! – старик всплеснул руками. – Господи, за что мне это?!

– А что не так?

– Да все, все не так! Ты можешь, наконец, запомнить, что в левом шкафу у меня Франция! Знаешь такую страну?

– Конечно, знаю! – Леша обиженно надулся. – Я что, по-вашему, совсем дикий?

– По-моему, да! – вздохнул старик. – Если ты поставил мейсенскую пастушку в левый шкаф, значит, ты не отличаешь Францию от Германии. Франция – это Севр, Лимож, Лилль...

– Но там же все розовое! – уперся Леша.

– Боже мой, с кем приходится работать! – Алексей Арнольдович схватился за голову.

Леша был его племянником. Не родным – двоюродным, сыном его младшей двоюродной сестры Ариадны. Но родных сестер или братьев у Алексея Арнольдовича не было, так что Ариадна была его ближайшей родственницей. И когда она попросила, чтобы он взял ее непутевого сына к себе в магазин, он не смог ей отказать.

– Я даже назвала его в твою честь – Алексеем! – с пафосом заявила Ариадна, и он согласился, хотя прекрасно знал, что это вранье и сестра назвала сына вовсе не в его честь, а в честь своего любимого актера Алексея Баталова.

Правда, одной из главных причин, почему Алексей Арнольдович взял племянника в свой магазин, было катастрофическое отсутствие достойных кадров. Ариадна и завела-то разговор после того, как он пожаловался на очередного продавца, которого накануне пришлось уволить за мелкое воровство.

– Возьми к себе моего Лешу! – попросила брата Ариадна. – Пожалуйста, возьми! Он тебя, по крайней мере, не обворует. Леша – исключительно честный мальчик! И книжки любит!

Может быть, он и честный, но исключительно глупый. И серый. И еще – страшно неуклюжий. На прошлой неделе умудрился уронить немецкого фаянсового ангела, отбил ему крыло. Правда, Алексей Арнольдович удачно продал ангела, сообщив покупателю, что крыло ему отбили протестанты в шестнадцатом веке. Тем самым ангел стал на триста лет старше и в три раза дороже.

И насчет книжек – тоже сомнительно. Леша читал исключительно детективы в затрепанных мягких обложках, причем иногда так увлекался, что забывал обо всем: о посетителях магазина, об охранной сигнализации, о порядке...

– Так вот, постарайся запомнить, – в десятый раз повторил антиквар. – Если ты, конечно, хочешь и дальше работать в моем магазине! Вся Германия у меня в правом шкафу. Мейсен – на верхней полке, на второй – Берлинская мануфактура, на третьей – Бавария... По-моему, все не так сложно. Ты сможешь это запомнить?

– Я постараюсь... – пробормотал племянник и вновь уткнулся в свою книгу.

– Да уж постарайся! И еще... я уезжаю на охоту, так что ты остаешься в магазине один, будь внимательней и отложи свою книгу. Она никуда не денется.

Охотой Алексей Арнольдович называл поездки по всевозможным развалам и барахолкам, которые он совершал раз в неделю в надежде найти там что-нибудь интересное.

И впрямь среди сломанных утюгов, бабушкиных мельхиоровых вилок и жутких целлулоидных кукол с лицами серийных убийц и маньяков иногда случайно попадался неплохой бронзовый подсвечник восемнадцатого века, стеклянная скандинавская рамочка для фотографий в стиле модерн или китайская фарфоровая статуэтка. Правда, с каждым годом такие находки случались все реже, но антиквар не хотел отказываться от многолетней привычки.

– Вот еще что, – вспомнил он уже у самой двери. – Должен зайти человек от Загряжского за французской табакеркой. Отдай ему, она лежит в верхнем ящике.

– Сколько она стоит? – осведомился племянник.

– Десять тысяч.

Дверь за антикваром захлопнулась, и Леша тут же выкинул из головы все его наставления и опять уткнулся в книгу.

Частный детектив собрал всех подозреваемых в гостиной и собирался назвать им имя убийцы. Сам Леша думал на дворецкого и хотел проверить свою догадку, но тут, как всегда не вовремя, звякнул дверной колокольчик и дверь магазина открылась.

Леша с тяжелым вздохом убрал книгу в ящик. Он решил, что вернулся Старик – то ли что-то забыл, то ли надумал проверить его, Лешину, бдительность и преданность делу.

Про себя Леша называл хозяина исключительно Стариком, хотя тому было немногим больше пятидесяти.

Но это был не антиквар.

В магазин, настороженно оглядываясь, вошла высоченная девица.

Девица была так себе – она немного сутулилась, видимо, стесняясь своего высокого роста, волосы были неопределенного цвета, к тому же ни длинные, ни короткие. Одета тоже простенько – короткая невзрачная курточка, короткая юбка...

Что у нее было хорошо – это ноги, длинные, с тонкими изящными щиколотками. На ногах – балетки. Еще бы – она и без каблуков выше любого парня будет, каланча пожарная! Леша уж точно оказался бы ей по плечо. Несмотря на то, что полагалось девице смотреть на всех свысока, вид у нее был растерянный, как будто она была удивлена тем, что оказалась в этом магазине. Возможно, она и правда первый раз в жизни попала в антикварный магазин.

– Я вам чем-то могу помочь? – с важным видом проговорил Леша, подражая Старику.

– Да... пожалуй, можете... – Девица, все так же растерянно оглядываясь, подошла к прилавку, наклонилась над ним, разглядывая безделушки. – Мне нужен подарок.

– Для любимого человека? – проникновенным голосом произнес Леша. Эту фразу он недавно вычитал в детективе. Правда, тут же он вспомнил, что продавца, который это сказал, убили к середине книги. Настроение у него испортилось. Тем более что у девицы явно не было любимого человека. Как ни плохо Леша разбирался в людях – еще хуже, чем в антиквариате, – но с девицей все было ясно с первого взгляда.

– Нет, что вы! – девица отшатнулась, как будто он сказал ей что-то ужасное. – Это шеф... начальник... все сотрудники скинулись на подарок... Понимаете, у него день рождения... и мы всегда стараемся как-то это отметить...

– Понимаю, дружеская вечеринка с шампанским и пирожными, так? – Леша улыбнулся, как умудренный жизнью человек. – Все поют «хеппи бёздей», чокаются бокалами и целуются...

– Нет, что вы! – Было похоже, что она всерьез испугалась, представив такую картину. – Мы просто поздравим его, вручим подарок, пожелаем всего наилучшего... В общем, мне поручили подобрать что-то оригинальное...

– Оригинальное? – Леша сделал вид, что задумался, и поставил на прилавок ту самую розовую пастушку. – Вот, замечательный подарок, настоящий Мейсен.

Сегодня он впервые услышал это слово, и оно ему понравилось. Оно звучало очень солидно и респектабельно.

– Не знаю, вряд ли ему понравится такая статуэтка... – Девица повертела пастушку в руке, увидела ценник, ахнула и поставила ее обратно. – Нет, это слишком дорого! И потом... может быть, лучше что-нибудь такое... практичное. То есть то, что можно как-то применить...

– Практичное? – Леша достал из витрины нож с инкрустированной перламутром ручкой. – Вот, очень полезная в хозяйстве вещь. Можно точить карандаши...

– Нет, что вы! – девица отшатнулась. – Ножи нельзя дарить, это плохая примета!

– Ну, я просто не знаю, что вам еще предложить... Оставьте свою визитку. Если что-то появится, я позвоню. Кстати, о визитках.

Леша огляделся и поставил перед покупательницей серебряную табакерку с портретом бородатого господина на крышке.

– Подарите ему табакерку. В ней вполне можно держать визитные карточки.

– А что? – девица открыла изящную коробочку, задумалась. – Может быть, в этом что-то есть... сколько это стоит?

Леша взглянул на ценник и сообщил:

– Восемнадцать тысяч.

– Ой, нет, дорого! Мы собрали только десять.

– Десять? – переспросил Леша. Он вспомнил, что именно столько, десять тысяч, стоит французская табакерка, которая лежит в верхнем ящике. Правда, за ней должен зайти какой-то человек, он заранее договорился со Стариком, но в принципе не все ли равно, кому продать? Главное – получить деньги, Старик всегда так говорит.

– У меня есть то, что вам нужно! – сообщил Леша таинственным тоном и выставил на прилавок другую табакерку.

На его взгляд, табакерка была простовата – из темного, тускло отсвечивающего металла, с растительным орнаментом по краям и двумя латинскими буквами на крышке: «М» и «R».

– Как раз десять тысяч! – радостно проговорил Леша. – Франция, восемнадцатый век.

– Немножко простовата... – девица повертела табакерку в руках. – А впрочем... купить и забыть! И вот, кстати, его инициалы... Михаил Рубцов, «М» и «R»...

– Замечательный выбор! – одобрил Леша. – Уверен, вашему начальнику она очень понравится!

– Ладно, возьму!

Как учил его Старик, Леша завернул табакерку в мягкую цветную бумагу и положил ее в фирменный пакет с логотипом магазина. Девица расплатилась и с явным облегчением покинула магазин.

Леша снова уткнулся в книгу.

Наконец-то он узнает, кто убийца!

Но не тут-то было.

Дверной колокольчик звякнул вторично.

Леша застонал и снова спрятал книгу.

На этот раз он решил, что вернулась незадачливая девица – передумала и хочет отдать табакерку обратно.

– Мы не принимаем проданный товар... – начал было он, но тут же осекся: это была вовсе не девица, а мужчина лет тридцати.

– Я вам чем-то могу помочь? – повторил Леша заученную фразу.

– Конечно, – ответил посетитель, подходя к прилавку. – Меня прислал Леонид Романович Загряжский. Ваш шеф отложил для него табакерку. Я пришел ее забрать.

– Табакерку? – переспросил Леша, чтобы выиграть время, и забарабанил пальцами по крышке стола.

Ситуация получилась дурацкая. Он только что продал отложенную для Загряжского табакерку той длинноногой девице... что же делать?

– Да, – подтвердил посетитель, – французскую табакерку восемнадцатого века. Леонид Романович сейчас не выходит из дому, и он просил меня зайти за этой табакеркой...

– Ах, ну да – табакерку! – оживился Леша. – Ну да, конечно, шеф мне говорил, что вы должны зайти...

С этими словами он поставил перед посетителем серебряную табакерку с портретом бородача. Ту, от которой отказалась длинноногая покупательница. В конце концов, та табакерка или другая – какая разница? Этот Загряжский коллекционирует табакерки – вот и получит для своей коллекции новый экземпляр. На Лешин взгляд, эта табакерка даже красивее. А Старик... он же сам всегда повторяет, что главное – уговорить покупателя и продать ему вещь. А он, Леша, сумел пристроить не одну, а целых две табакерки, так что Старик будет доволен...

– Спасибо, – мужчина равнодушно взглянул на табакерку. – Вы ее завернете?

– Конечно! – Леша почувствовал облегчение и принялся поспешно заворачивать серебряную коробочку. Кажется, ему удалось благополучно разрулить ситуацию. Теперь, когда табакерка была тщательно упакована, Леша еще больше уверился в своей сообразительности.

– Вот деньги, – посетитель передал Леше конверт. – Леонид Романович обо всем договорился с вашим шефом.

– Да... – Леша несколько сник, вспомнив, что эта штучка дороже первой. Ну ничего, Старик давно знает Загряжского, они как-нибудь договорятся...

А покупатель уже развернулся и вышел из магазина, напоследок снова звякнув дверным колокольчиком.

Антон вышел из антикварной лавки, прижимая локтем сверток с табакеркой Загряжского, подошел к своей машине. Свободной рукой достал из кармана брелок с ключами, нажал на кнопку...

В это мгновение на тротуар рядом с ним упала тень. Антон начал оборачиваться, но тут на его голову обрушился удар, и он провалился в темноту.

– Кто этот оратор в поношенном фраке? – спросил Жан-Поль Лесаж своего соседа, депутата от Лилля.

Неудачливый оратор спускался с трибуны, опустив голову. Выступление его освистали, и он даже не смог договорить до конца.

– Это провинциальный адвокат, кажется, из Арраса, – ответил сосед, направив на неудачника черепаховый лорнет. – Кажется, его зовут де Робеспьер. Хотя насчет дворянства я не уверен. А почему вы спрашиваете о нем, мой друг?

– Запомните это лицо и это имя! – проговорил Лесаж, выпятив тяжелую губу. – Мне кажется, он опасен. По-настоящему опасен. Он может принести стране и городу множество неприятностей.

– Почему вы так думаете, мой друг? Мало ли сейчас в этом зале самонадеянных провинциалов? Они съехались сюда со всех концов Франции в надежде примазаться к революции и отхватить свой кусок от общего пирога. Этот Робеспьер ничуть от них не отличается...

– Вот в этом вы ошибаетесь! – возразил ему Лесаж. – Этот, как его, Робеспьер отличается от прочих именно тем, что приехал в Париж не за славой и богатством.

– А за чем же еще? – От удивления депутат от Лилля даже приоткрыл рот, так что стали видны его нездоровые зубы.

– Я внимательно слушал его и понял одну ужасную вещь. – Лесаж понизил голос и придвинулся к соседу: – Он и в самом деле верит в то, что говорит!

– Он верит во всю эту лабуду про свободу, равенство и братство? – Сосед недоверчиво прищурился и вдруг захохотал. – Я понял: вы шутите, мой друг!

– Ничуть. – Лесаж и правда был очень серьезен. – Я наблюдал за его лицом. Он искренне во все это верит. Он фанатик! А нет никого опаснее искренних фанатиков, особенно вот таких – приехавших из провинции в поношенном фраке, с единственной парой сапог. Вы слышали, о чем он говорил?

– Признаться, нет! В зале так шумели, что я не разобрал ни слова. Да я не особенно и старался.

– А зря! Он говорил о справедливости и добродетели, о том, что только ради них стоит существовать на этом свете. В общем, пустые слова, погремушки для младенцев, но народ – он и есть младенец, он любит пустые звучные слова! Нет слова страшнее, чем «справедливость». Именно под знаменем справедливости были пролиты реки крови – и еще будут пролиты, попомните мои слова. Нет, еще раз говорю вам – этот Робеспьер опасен. Я подумываю, что стоит перебраться в Англию, пока он не вошел в полную силу.

– Ну, вы удивили меня, мой друг! – Депутат от Лилля вновь взглянул вслед удалявшемуся оратору. – Мне кажется, вы преувеличиваете опасность. Да его никто и не слушает...

Максимилиан шел из дворца Тюильри, где заседало Законодательное собрание, на улицу Сент-Оноре. Он снимал там жалкую комнатку у столяра Дюпле. Путь его лежал мимо кладбища Невинноубиенных. Место это пользовалось у парижан дурной славой.

Темнело. Робеспьер опасливо покосился на ворота кладбища. Над ними сохранилась средневековая фреска «Пляска смерти», и сейчас из темноты на одинокого прохожего злобно и мстительно взирали пустые глазницы танцующих скелетов.

Максимилиан машинально перекрестился.

Этот неосознанный жест удивил его самого – ведь он, ученик Руссо, не верил в Иисуса Христа, он верил только в Разум, Справедливость, Просвещение, в крайнем случае – в некое Верховное Существо... Но вот стоило ему испугаться – и христианские привычки тут же вылезли наружу. Хорошо, что его не видел никто из знакомых по якобинскому клубу, его подняли бы на смех...

Робеспьер прибавил шаг, чтобы поскорее миновать кладбище.

И тут в проеме ворот показалась высокая фигура, закутанная в длинный черный плащ, с суковатым посохом в руке.

Рядом с незнакомцем шла собака – крупный черный пес с горящими, как угли, глазами.

– Остановитесь, месье! – проговорил этот незнакомец голосом глухим и сильным.

Робеспьер хотел было еще прибавить шаг – но ноги его не слушались, они словно налились свинцом. Незнакомец поравнялся с ним и остановился, не говоря ни слова.

– Не знаю, что вам угодно, месье. – Робеспьер заметно нервничал и от этого начал даже заикаться, чего с ним прежде не случалось. – Не знаю, что вам угодно, но только вы зря меня остановили. У меня нет денег, нет вообще ничего ценного...

– Да вы меня никак за грабителя приняли? – незнакомец глухо засмеялся. – Бывает же такое!

Только теперь Максимилиан осмелился поднять на него глаза – и страх его удвоился. На голову незнакомца был накинута капюшон – и под этим капюшоном не было видно ни глаз, ни рта, как будто у незнакомца вовсе отсутствовало лицо. Из-под черного капюшона на Робеспьера смотрела сама тьма, глухая и непроницаемая.

– Кто вы?! – спросил Максимилиан, чувствуя, как волосы под его париком шевелятся от страха.

– У меня много имен, – ответил тот насмешливо. – Если даже у тебя их целая вереница – Максимилиан Франсуа Мари Изидор де Робеспьер... или ты предпочитаешь не использовать эту дворянскую приставку «де», которую так любили твой дед и отец, предпочитаешь, чтобы тебя называли «гражданин Робеспьер»?

– Вы знаете мое имя? – удивленно переспросил депутат.

Страх немного отпустил его сердце.

Если этот таинственный незнакомец знает его по имени, он не может быть простым ночным грабителем... Впрочем, он и не похож на простого грабителя!

– Неужели я похож на простого грабителя? – произнес глухой голос из-под капюшона, словно незнакомец прочитал мысли Робеспьера. – Как ты полагаешь, Жан-Жак?

Эти слова явно были обращены к черному псу, и тот сердито зарычал, как бы отвечая на слова хозяина.

– Жан-Жак считает, что я ничуть не похож на вора!

– Я тоже считаю, что не похожи! – подхватил Робеспьер, мучительно стыдясь собственного дрожащего голоса, собственного страха, собственного унижения.

– А если так – отчего же ты так испуган? – не унимался незнакомец.

– Что вы, я ничуть не испуган! – возразил Робеспьер. – Однако позвольте поинтересоваться, месье, что вам угодно? Вы хотите о чем-то меня спросить?

– Тебя? Спросить? – Незнакомец, казалось, был удивлен. – Обычно мне задают вопросы, и иногда я на них отвечаю... Нет, Максимилиан, я хочу предложить тебе помощь.

– Помощь?! – Робеспьер совершенно растерялся. – Какого рода помощь вы имеете в виду? Если денежную, то я ни в чем не нуждаюсь...

– Да-да, я знаю... – В голосе незнакомца прозвучала откровенная скука. – Я знаю, что твои потребности очень скромны. Тесная комната, узкая одинокая постель, кусок хлеба, бокал скверного вина – какая скука! Впрочем, я тебя ничуть не осуждаю!

– Не осуждаете? – Робеспьер невольно разозлился. – Как можно осуждать скромность и добродетель?

– На этот счет у всех могут быть свои мнения, – незнакомец отмахнулся от его слов, как от жужжания назойливой мухи. – Говорю же, я не имею ничего против твоей скромности. Тем более что у тебя есть качество, которое я очень ценю в людях. Ты любишь справедливость...

– Что же в этом дурного, месье? – воскликнул Робеспьер. – Справедливость – это высшая добродетель!

– Справедливость? – незнакомец снова произнес это слово, как будто пробуя его на вкус. – Справедливость, мой друг, – это всего лишь яркая обертка для горькой пилюли, красивая маска, которую надевают на себя зависть и ненависть, когда хотят обмануть простаков! Спросите первого встречного, спросите случайного прохожего, что он считает справедливым, – и всякий ответит вам, что справедливо, когда ему, именно ему, принадлежит все самое лучшее, все самое дорогое и прекрасное, и напротив – несправедливо, когда это принадлежит его соседу, его знакомому. И высшей справедливостью всякий посчитает отнять имущество у соседа и присвоить себе. Но дайте любому босяку, любому нищему санкюлоту богатый дом, красивую одежду, золотую посуду – и он сочтет это весьма справедливым и готов будет убить всякого, кто попытается все это у него отнять. Ибо такова человеческая природа: всякий считает справедливым отнять чужое и присвоить это себе. Не только имущество – справедливо присвоить также чужую жену, чужую славу, чужую честь, чужую доблесть. Если бы это было возможно, – считали бы справедливым присвоить чужую молодость, чужой талант, чужое здоровье, чужую красоту...

– Я не спорю, месье, – осмелев, перебил Робеспьер незнакомца. – Человеческая природа дурна, ее испортили века нищеты и несправедливости, века унижений и рабства. Да, человеческая природа дурна, но мы должны исправить ее, мы должны сделать человека лучше, но для начала...

– Для начала, Максимилиан, – перебил его незнакомец, – для начала оглядись по сторонам! Ты не на трибуне, и перед тобой – не депутаты собрания, так что не надо расточать на меня свое красноречие! Прибереги его для более подходящего случая!

Робеспьер запнулся и огляделся по сторонам. Вокруг была ночная тьма, тишина ночного города, затаившегося, как хищный зверь, изготовившийся к прыжку. Единственным его слушателем был мрачный незнакомец, лицо которого скрывал черный капюшон. Да еще его огромная собака с горящими глазами, да еще – ухмыляющиеся скелеты над воротами кладбища Невинноубиенных.

– Не надо расточать на меня красноречие! – повторил незнакомец. – Я и без того знаю все, что ты можешь сказать. Я слышал разговоры о справедливости тысячи раз – и каждый раз за ними следовали реки крови. Тысячи раз я слышал разговоры об улучшении человеческой природы – но все, что удавалось сделать на этом пути, – усовершенствовать способы убийства, придумать новый вид казни. Думаю, что и вы в стремлении усовершенствовать человеческий род придумаете какой-нибудь новый способ убийства!

– Это не так! – попытался возразить ему Робеспьер. – Человеку свойственно стремление к свободе и справедливости! Изначально человек добр и честен, только дурные условия портят его...

– Я вижу, ты внимательно слушал того швейцарского философа, Руссо...

– Да, и я горжусь тем, что беседовал с ним и усвоил его великие мысли!

– Слышишь, Жан-Жак, он гордится! – насмешливо произнес незнакомец, обращаясь к своему псу. – Это хорошо: гордыня – замечательный грех, самый первый из грехов. Гордыня и стремление к справедливости – это то, что мне нужно! Итак, Максимилиан, ты меня убедил!

– Убедил? В чем? – Робеспьер удивленно вглядывался в лицо, скрытое капюшоном, но по-прежнему не видел его.

– Ты убедил меня в том, что достоин моей помощи! Прими же мой дар!

С этими словами незнакомец протянул руку и вложил в ладонь Робеспьера какой-то небольшой, но довольно-таки тяжелый предмет. Тяжелый и очень холодный.

– Что это? – Робеспьер поднес подарок незнакомца к глазам.

В это время в облаках, плотно закрывавших небо над Парижем, возник разрыв, в него выглянула луна, и в ее обманчивом мертвенном свете предмет на ладони Робеспьера засиял тусклым холодным блеском.

Это была табакерка – довольно простая серебряная табакерка с выгравированными на крышке буквами «М» и «R». Максимилиан Робеспьер... или эти буквы имеют совершенно другое значение?

Молодой депутат повернулся к таинственному незнакомцу, чтобы поблагодарить его за подарок, но вежливо отказаться – он, Максимилиан Робеспьер, не принимает никаких подарков, ведь под видом подарка ему могут дать взятку...

Но сказать это ему не удалось, поскольку незнакомец исчез – исчез вместе со своей собакой.

– Черт знает что... – пробормотал Робеспьер и продолжил свой путь, обдумывая эту странную ночную встречу.

Впрочем, он не успел уйти далеко.

Навстречу ему из темноты выскользнули две приземистые тени, заступили дорогу. В тусклом свете луны Робеспьер увидел грязные лохмотья ночных бродяг, их опухшие от пьянства грязные лица. У одного из них не было носа – видно, сказались грехи молодости.

– Постой, красавчик! – просипел этот безносый. – Куда ты так спешишь?

– Пропустите меня, граждане! – воскликнул Робеспьер, стараясь не показать свой страх. – Я депутат Законодательного собрания, защитник прав таких же, как вы, обездоленных!

– Депутат? – сифилитик мерзко рассмеялся. – Слышишь, Гастон, он депутат! Он защищает наши с тобой права! Гастон, дружище, тебе нужен такой защитник?

– Никто мне не нужен! – прошипел второй грабитель. – Один защитник у меня уже есть, и мне его довольно! – с этими словами он вытащил из-за пазухи большой заржавленный нож.

– Пропустите меня, – взмолился Робеспьер. – Вам нечем у меня поживиться! Я так же беден, как вы!

– Так же беден? – недоверчиво повторил сифилитик. – Но у тебя, красавчик, вполне приличный фрак, а у меня – драные лохмотья! По-моему, это несправедливо!

Не дожидаясь возражений, он ударил Робеспьера суковатой палкой. Максимилиан упал, попытался встать – но сильные грязные руки уже стаскивали с него фрак, обшаривали одежду.

– Э, да у него еще кое-что есть! – просипел безносый. – Погляди-ка, Гастон, кажись, это табакерка! Чистое серебро! Да ты никак богач, красавчик!

Робеспьер хотел что-то ответить, но грабитель вдруг замолчал. Он шумно дышал, как после быстрого бега, и вдруг совсем другим, тихим и испуганным голосом проговорил:

– Что это, Гастон? Никак это Его печать! MR – Malignus Rex, Царь Зла, Сатана...

– Бежим прочь! – крикнул второй. – Бежим, пока ему не пришел на помощь Хозяин!

Грабители бросили табакерку, как будто это была ядовитая змея, и припустили прочь, стуча по булыжной мостовой деревянными подошвами башмаков.

Робеспьер поднялся на ноги, удивленно глядя вслед ночным бродягам. Что их так напугало? Что заставило обратиться в бегство? О каком Хозяине они говорили?

Он наклонился, поднял табакерку, недоуменно оглядел ее. Крышка словно сама собой открылась. Почувствовав запах табака, Робеспьер машинально взял щепотку, поднес к носу...

Запах был удивительный. Кроме самого табака, в нем чувствовались ароматы каких-то душистых трав и незнакомых экзотических цветов. Должно быть, такие цветы цвели в райском

саду, где обитал праотец Адам в те далекие времена, когда он еще не вкусил плода от древа познания добра и зла, когда он еще не знал, что такое справедливость...

– До свидания! – Вероника осторожно закрыла за собой дверь антикварного магазина.

Колокольчик снова приветливо дзинькнул, продавец же сделал вид, что не слышит ее слов, и даже не поднял головы от какой-то книги. Вероника еле заметно вздохнула – хоть она и привыкла уже, что люди относятся к ней равнодушно, если не сказать – плохо, но все же этот парень мог бы на прощание хоть улыбнуться. Не то чтобы ей это так нужно – парень ей не понравился, он был жуликоватый и скользкий, однако простая вежливость требует...

Ну да ладно, главное – дело сделано, она купила подарок Михаилу Юрьевичу. Надо надеяться, что табакерка ему понравится и он оценит ее старания.

Хотя, если быть честной с самой собой, Михаил Юрьевич даже не узнает, что подарок выбирала она. Светка Соколова, как обычно, все возьмет на себя. Всех организует, всех расставит по местам, произнесет приветственную речь, вручит подарок и смачно расцелует их начальника в обе щеки. А они все будут стоять вокруг и глупо улыбаться.

А Светка еще и стихи какие-нибудь дурацкие сочинит, типа: «Вот тебе старинная табакерка, это наших чувств новая проверка...» Тьфу, какая ерунда лезет в голову!

Но по части стихов у Светки и правда какой-то заскок.

Отчего люди думают, что зарифмованное поздравление больше ценится? Светка, во всяком случае, в этом ничуть не сомневается. И как самое важное дело, от которого зависят судьбы человечества, выполняет его всегда сама.

Оно и к лучшему, хорошо, хоть это на Веронику не повесят.

«Ты не умеешь отказывать людям! – восклицает в таких случаях мама. – Ты должна научиться говорить «нет»! А ты никак не можешь себя заставить!»

Это неверно, Вероника вполне способна сказать «нет» в ответ на чью-то просьбу. Беда в том, что люди совершенно не принимают ее отказов. Та же Светка Соколова даже не дает себе труда услышать ее «нет». Она как будто просто Веронику не слышит.

Ну да ладно, на этот раз все прошло удачно. В конце концов, она хорошо относится к Михаилу Юрьевичу, он и в самом деле талантливый человек, много работает, и как начальник – не вредный. Бывают, конечно, у него внезапные приступы немотивированной злости, но это оттого, что он всегда занят и очень устает. Он талантливый фотограф, и самое любимое его дело – это художественная фотография. Сам как-то под праздник признался – не Веронике, нет, с ней он и двух слов не скажет, по работе и то не он распоряжения отдает, много чести! А признавался он бухгалтеру, Анне Валерьевне, они давно знакомы – не то учились вместе, не то жили рядом.

Так вот, выпил тогда малость Михаил Юрьевич да и говорит бухгалтеру, что послал бы, мол, весь этот бизнес куда подальше, потому что больше всего на свете любит он бродить по городу и снимать, что хочет. Или природу фотографировать. Он и правда большой мастер, у него были даже выставки в крупных галереях. И в журналах снимки его печатали.

Но этим не проживешь, поэтому Михаил Юрьевич владеет большим фотоателье, и сотрудников у него – двенадцать человек. Три выездных фотографа – свадьбы, банкеты, детские праздники, профессиональные фотосессии, портреты, групповые фотографии и еще много всего. Называется ателье «Золотой глаз», по телевизору рекламный ролик недавно крутили.

Вероника работает в этом ателье администратором – принимает заказы, оформляет квитанции, разбирается с претензиями. Ниже ее по рангу только уборщица, Нинель Васильевна. Потому ее и послали за подарком, так что, если Светка Соколова выскажет ей что-то неодобрительное насчет табакерки, пускай сама в следующий раз подарок покупает.

Вероника подняла голову, выпрямила спину (не сутулиться!) и пошла к проспекту, там останавливались маршрутки. Точнее, хотела пойти. Потому что тут же почувствовала что-то неладное. Кто-то полз по ее ноге – от щиколотки вверх.

«О нет! – простонала она мысленно. – Только не это! За что мне такое наказание?!»

Полз не муравей и не божья коровка (если бы!). Ползла петля. Широкая дорожка. Тут уж ничего не сделаешь, только выбросить колготки. Вероника уже привыкла – такие мелкие неприятности преследовали ее всю жизнь. Колготки рвались пачками, она уже перестала удивляться. Вот и сейчас небось задела ногой что-то где-то в магазине, там такая теснота...

– Ты как жираф, – сказала ей как-то Светка Соколова, – он и не видит, что у него внизу делается, шея слишком длинная.

В таком случае полагалось ответить, что у Светки зато шеи нет вообще, голова лежит прямо на плечах, как арбуз на блюде, что, в общем-то, почти соответствовало действительности. Но Вероника замешкалась, никак она не могла сказать человеку прямо в глаза откровенную гадость. Нет, если ее разозлить, она, конечно, может постоять за себя, но вот так, на пустом месте... Короче, она тогда растерялась, и Светка удалилась, оставив за собой последнее слово.

Вероника была девушкой предусмотрительной и носила в сумочке запасные колготки. Она оглянулась – вот тут, как раз рядом, небольшое кафе. Что ж, очень кстати.

В помещении кафе было полутемно, так что, войдя со света, Вероника едва нашла стойку. За стойкой скучала худущая блондинка с излишне ярким макияжем – чтобы в полутьме заметно было, догадалась Вероника. На вид девица была на редкость стервозной, такая ни за что просто так в туалет не пропустит.

– Что хотели? – девица разлепила малиновые губы.

– Кофе, – сказала Вероника, – простой, черный.

На вопрос о туалете девица мотнула головой куда-то за свою спину. Так и есть, охраняет почище кавказской овчарки.

В туалете было грязновато, зеркало с отбитым углом и пятнами на амальгаме, и сушилка, конечно, не работала. Вероника быстро переоделась, причесалась и вымыла руки. Потом скорчила себе рожу, отразившуюся в мутном зеркале, и вышла.

Кофе был отвратительным, впрочем, иного Вероника и не ждала. Народу в кафе было немного, сюда не кофе ходят пить, это точно. Двое мужчин сидели со стаканами пива, плохо одетая женщина торопливо ела неаппетитный салат. Нужно было попросить чаю, но небось эта, за стойкой, заваривать не умеет, бросит пакетик в чашку, и все... Вероника терпеть не могла пить чай из пакетиков. Ладно, пора идти на работу.

Вероника положила на стол деньги и вышла.

Кафе располагалось в том же переулке, что и антикварный магазин, а вывеска была на углу, чтобы с проспекта было видно. Мобильник заиграл знакомую мелодию. Так и есть, это Светка Соколова интересуется, куда это Вероника пропала. Отвечать не хотелось. Вероника сбросила вызов и собралась положить мобильник в карман, но тут откуда ни возьмись выскочил какой-то тип и толкнул ее.

Мобильник выпал из рук, но Вероника не растерялась. Не вчера родилась, в большом городе живет, знает все уловки и примочки мелкого жулья. Толкнет тебя вроде бы случайно парень, тут же извинится, за плечо придержит, глядь – а сумочки-то и нету! Или же в троллейбусе приличного вида дядечка на плечо навалится – простите, скажет, девушка, водитель, верно, думает, что он не живых людей везет, а дрова. И пока ты ему отвечаешь, напарник его делает свое дело. Опомнишься после двух остановок – сумка разрезана и кошелек тью-тью.

Или возле ларька книжного женщина заговорит – ах, вы эту книжку читали? И как вам – понравилось? Отвлекает, в общем, разговорами, а после такой душевной беседы тоже глядишь – кошелек пропал. А уж если мальчик лет тринадцати в метро подойдет и вежливо спросит, как

ему проехать до нужной станции, – в ту же секунду надо за сумку хвататься: у деток реакция быстрая.

Мобильник еще не долетел до асфальта, а Вероника уже схватилась за сумку. И одновременно крутанулась на пятках и хорошенько съездила тому типу, что ее толкнул, по шее. Попало ему сверху, потому что тип был маленького роста, как говорят, метр с кепкой.

– Ах ты сволочь! – заорала Вероника.

Тип остановился на секунду и обернулся, на Веронику глянули злобные маленькие глазки.

– Отвали! – прохрипел он. – Убью...

И такой ненавистью повеяло от него, что Вероника невольно отшатнулась. Тип отвернулся и бросился бежать, пригибаясь к земле, – как заяц, прижав уши. Вероника подняла мобильник и проверила сумку – вроде бы все на месте. Что ж, может, он и не жулик. Но все равно мерзкий тип. Рыжеватые редкие волосы, лоб с залысинами, сам какой-то мелкий, гадкий...

Она пошла дальше, к проспекту, миновала припаркованную у тротуара машину. И едва не споткнулась о мужские ноги.

Человек сидел на тротуаре, прислонясь к машине, и Веронике в первый момент показалось, что это бомж, подставивший лицо первым лучам солнышка.

Однако ботинки у него на ногах были приличные, Вероника готова была поклясться, что их тщательно чистили еще утром. Взгляд ее переместился по ногам выше, к довольно грязной куртке – ну еще бы, на тротуаре валяется, откуда тут чистоте взяться, – затем остановился на лице. Лицо было спокойное, даже безразличное, и с некоторым опозданием Вероника поняла, что человек этот – без сознания. Дверца машины была открыта, рядом валялись ключи.

Вероника похолодела, уразумев наконец ситуацию. Человеку плохо, а она считала его пьяным бомжом! Может, и правда из-за роста до нее все доходит как до жирафа?

Она оглянулась по сторонам. В переулке не было ни души. Человек пошевелился и едва слышно застонал.

– Эй! – Вероника присела на корточки. – Эй, вам плохо?

«Глупый вопрос, – тут же, сердясь на себя, подумала она. – Станет приличный человек сидеть на грязном асфальте, если ему хорошо? Это как в американских фильмах – все спрашивают человека, которого переехал грузовик: «Ты в порядке?..»

Она тронула мужчину за руку. Рука была теплой, и это вселяло надежду. Потом она тряхнула его за плечо. Он отозвался более долгим стоном. И даже что-то пробормотал неразборчиво.

– Ну что же делать? – Вероника беспомощно огляделась. В переулке по-прежнему не было ни души.

Сбежать в кафе и попросить помощи? Но девица за стойкой вряд ли покинет свое рабочее место. Вызвать «скорую»? Когда они еще приедут, а до тех пор человек так и будет валяться на асфальте? Полицию? Тогда ее привлекут как свидетеля, и когда она в итоге попадет на работу? Сегодня – вряд ли...

Вероника отважилась похлопать мужчину по щеке:

– Ну же, очнитесь! Что случилось?

Он открыл глаза и посмотрел на нее, не узнавая.

– Ну, придите в себя, вставайте!

Человек от ее толчка начал заваливаться на бок, она не удержала его и, взглянув на свои руки, с ужасом поняла, что они в крови.

Тем временем он оперся о бок машины и наконец поглядел на нее более осмысленно.

– Воды... – прохрипел он и закрыл глаза.

Вероника вскочила, готовая бежать за водой в то самое злополучное кафе, но тут – с высоты своего роста – увидела в машине пластиковую бутылку. Хорошо, что дверца открыта! Она поднесла бутылку к его лицу, но, похоже, он снова потерял сознание. Тогда Вероника набрала в рот воды и брызнула мужчине в лицо. С третьего раза ее меры возымели действие – он встряхнулся и открыл глаза окончательно.

– Вы кто? – спросил мужчина, забирая из ее рук бутылку.

– Вероника, – честно ответила она.

– И что же вы тут делаете, Вероника? – Он поднял голову и посмотрел на нее из-под руки, потому что весеннее солнце светило ей в спину.

Она уловила в его словах легкую насмешку и тут же оцетинилась.

– Я вообще-то мимо шла, по своим делам. Вижу – вы лежите, как на пляже. Думала, что вам плохо. Но если вам хорошо, то я пойду! У меня своих дел полно...

Он пошевелился, потрогал затылок и нахмурился, разглядывая окровавленную руку.

– Надо же, как сильно он меня... А где? – он пошарил вокруг. – Сумка моя где?

– Не было никакой сумки, – растерялась Вероника, – я не видела.

– Черт... – протянул мужчина, – вот так номер... Выходит, он ограбить меня хотел...

– Да кто – он-то? – не выдержала Вероника.

– Не знаю... – вздохнул мужчина, пытаясь подняться. – Пока я машину открывал, кто-то подбежал сзади, и больше ничего не помню...

– Выходит, он вас по голове стукнул, – сообразила наконец Вероника. – Вам в больницу надо, это может быть сотрясение. И кровь обязательно надо остановить...

Он поднялся с ее помощью и огляделся.

– Точно не было сумки?

– Так вы, может, на меня думаете?! – вскипела Вероника. – И куда бы я вашу сумку спрятала?

– Да нет... – Он пошатнулся и оперся на ее предплечье.

Вероника машинально отметила, что ему сделать это было нетрудно, то есть роста он для мужчины довольно высокого, возможно, что и ее сто восемьдесят два сантиметра перерос. Она умела определить рост человека на глаз с погрешностью в сантиметр. Этот пострадавший просто весь скособочился, потому она и затруднилась.

Говорят, что маленьким мужчинам нравятся высокие крупные женщины. Проблема заключалась в том, что ей никак не мог понравиться парень маленького роста. Среди таких она казалась себе гулливершей в стране лилипутов.

Метаморфоза случилась с Вероникой в двадцать лет – вдруг совершенно неожиданно выросла она на двадцать сантиметров. До этого была обычная девчонка – не слишком высокая, но и не маленькая, как все. А тут после лета никто не узнал – ни подруги, ни соседи.

Если бы такое случилось раньше, можно было бы жизнь свою как-то по-другому устроить – записали бы ее родители, к примеру, на баскетбол, там все такие, как она, высоченные, и она чувствовала бы себя своей среди своих. Или могла бы в модельном бизнесе себя попробовать, там тоже высокий рост ценится. А так, в двадцать лет от такого гормонального сбоя начались у нее разные проблемы – то с нервами, то с кожей. Никак не могла привыкнуть к своему огромному росту – смех сказать, сколько раз о дверные косяки шишки набивала.

В общем, года два так продолжалось, потом организм постепенно привык к своим новым параметрам. Но характер у нее испортился, и комплексы разыгрались.

– Какой уж тут модельный бизнес, – вздыхала мама, – когда ты так сутулишься. Ну и бог с ним, это не для нас...

А что – для нас? Когда школу закончила, поступила на юридический, у них школа была с каким-то там уклоном. Да и мама ее уговорила. Как выяснилось, мама составила себе мнение о профессии юриста, глядя в экран телевизора. Там интересный, представительный судья

в мантии выслушивает разные забавные дела. Действо постановочное, артисты держатся естественно, все довольны.

Или в сериале – уже не такой интересный адвокат сам расследует дело, и все кончается хорошо.

В случае Вероники все кончилось не так, как мечтала мама.

Из-за этого внезапного роста училась она не очень хорошо. Да дело и не в этом. Просто выяснилось, что юристов без опыта работы оказалось в последнее время слишком много и чтобы найти приличную работу, нужно либо потрясающее упорство, либо большой блат. Ничего этого у Вероникиной мамы не было. А просто так, с улицы, в юридическую фирму и секретаршей не возьмут. То есть, может, и возьмут, но только не такую орясину.

Так высказался один тип, когда Вероника пришла по объявлению. Не в лицо, конечно, ей это сказал, но знал же, что она еще за дверью, и голос не понизил.

В школе ее не дразнили, так потом она наслушалась про себя всякого-разного. А чем человек виноват, что у него рост высокий?

И с мужчинами ничего у нее не получалось серьезного. Обычно с ней расставались после одной-двух встреч.

В институте был один парень, Игорь. Вроде бы все хорошо у них было, подходил он ей не только по росту, но и нравился очень. Да и он к ней хорошо относился. В общем, почти любовь. И даже привел как-то ее в дом, с родителями познакомить. Ну, с первого взгляда понравились ей его родители – мама хорошо их встретила, стол накрыла. Посидели, потом Игорь к себе в комнату ее потянул, диски новые показать или еще что-то. Вероника выходит в туалет – и слышит из комнаты голос его отца: «Тоже, нашел себе версту коломенскую! Ты скажи, зачем нам такая дылда?»

Мать что-то ему ответила, но Вероника слушать не стала, схватила пальто и сумку и убежала, не попрощавшись. Игорь звонил потом, удивлялся, а она его послала подальше, чтобы отношения не выяснять. Так все и кончилось.

С тех пор у нее с мужчинами вечные проблемы – никак не найти человека.

Эти мысли пронеслись в ее голове быстрее порыва ветра. Что уж тут, все давно передумано и пережито. Да сейчас и не время...

Мужчина схватился за дверцу машины и отпустил ее плечо. Постоял немного, напрягшись. С удивившей саму себя жалостью Вероника отметила, какой он бледный. На лбу его выступила испарина.

– Вам в больницу надо! – повторила она. – А машину вести вы не можете!

– погоди! – он поморщился и махнул рукой. – Не бухти над ухом, и так худо...

Вероника обиделась. Мелькнула мысль: немедленно развернуться и уйти. Молча, не тратя времени на бесполезные препирательства и ругань. Мужчина сделал глубокий вдох и нырнул в машину, как в омут. Он плюхнулся на сиденье и не удержался от стога – видно, здорово у него болела голова. И закрыл глаза, надолго, так что Вероника подумала, что он снова потерял сознание.

– Эй! – Она помахала растопыренными пальцами у него перед лицом. – Вы как? Может, водички?

– Там аптечка, – еле слышно сказал он, – найди там от головы что-нибудь...

Она дала ему две таблетки цитрамона, протерла его затылок перекисью водорода и заклеила пластырем большую ссадину.

– Это хорошо, что кровь идет, – говорила она, – значит, внутри гематомы не будет.

– Ты что – врач? – Вновь ей показалось, что в голосе его прозвучала насмешка.

– Такие простые вещи каждый ребенок знает, – буркнула она, – в школе проходят основы безопасности жизни. Вы что, собираетесь за руль сесть?

– Угу, с твоего разрешения, – усмехнулся он. – Сейчас голова пройдет, и я поеду. Мне недалеко...

– А в больницу?

– Какая больница? Ты еще скажи – в полицию! Сама посуди: чем мне полиция поможет? Никто того типа не видел, никто его и искать не станет!

– А в сумке что-то ценное было?

– Да не то чтобы ценное, но неприятно все это... – Он помрачнел. – Ладно, тебя подвезти?

– Да я еще с ума не сошла! – возмутилась Вероника. – Ты на всю голову больной, если собираешься в таком состоянии за руль садиться! Так что это – без меня!

– Голова прошла... – ухмыльнулся он, – не совсем... но мне лучше. Так что я поехал!

Он тронул машину с места. Вероника посмотрела ей вслед с привычной уже обидой. Хам какой, хоть бы спасибо ей сказал! Хотя чему удивляться, все они такие.

Она вздохнула и побрела к проспекту. И только в маршрутке до нее дошло, что она видела грабителя. Разумеется, это он, тот самый мерзкий тип, толкнувший ее! Он не хотел сдернуть ее сумку с плеча, он просто убегал с места преступления. Это точно он, там больше никого не было.

– Это чтой-то? – Светка Соколова вертела табакерку с подчеркнутым недоумением. – Что за коробочка?

– Сказала уже, что это табакерка, – буркнула Вероника, – а если у тебя со слухом беда, то к врачу сходи.

Отчего-то она была жутко злая. Полдня проболталась по городу, есть ей хотелось страшно, ничего съестного не было во рту с самого утра. Нельзя же считать едой ужасный кофе, что подали ей в том, с позволения сказать, кафе.

Вспомнив кафе, Вероника вспомнила и все остальное. И еще больше помрачнела.

Светка на ее слова о слухе не обратила ни малейшего внимания. Она держала табакерку двумя пальцами, брезгливо морщась.

– Что за фигню ты принесла? – возмущалась она. – Какая еще табакерка? Сюда же даже сигареты не влезут!

– Это не портсигар, а табакерка, – вмешалась Нинель Васильевна. – Почувствуй разницу!

Уборщица у них в ателье была не простая, а бывший кандидат каких-то серьезных наук. Работала раньше в солидном вузе, был у нее муж-профессор и сын, подававший большие надежды.

Прошло время, муж умер, сын перестал подавать надежды и женился, потом развелся, жена с внуками уехала в Америку, сын с горя запил, и Нинель, выйдя на пенсию, устроилась уборщицей в фотоателье, потому что оно находилось рядом с ее домом.

– В нее не папиросы клали, а нюхательный табак, – сказала Нинель, осторожно беря в руки табакерку, – потом нюхали и чихали. Такое у них было развлечение...

– С ума сойти! – фыркнула Светка. – Миша будет нюхать табак!

Веронику передернуло. Она даже в мыслях называла шефа по имени-отчеству. С этим он был строг – никакой фамильярности никому не позволял. Светка выделялась на пустом месте.

– Даже не золотая! – вновь возмутилась Светка. – И не серебряная! Потертая какая-то, ей место на помойке!

– Да ты знаешь, сколько золотая стоит? – возмутилась Вероника. – Уж не десять тысяч! Там вообще цены запредельные! Сами же сказали – что-то оригинальное...

– Это – оригинальное? – визгливо засмеялась Светка.

– Именно. И кончай орать! – твердо ответила Вероника. Сегодня она была на себя не похожа.

– И правда, Света, – из своего закутка выглянула бухгалтер Анна Валерьевна. – Что ты так кричишь? Тебе надо за голосом следить, а то тембр такой визгливый, как железом по стеклу.

Бухгалтера, в отличие от Вероники, Светка слышала. И слова, сказанные спокойно, до нее дошли. Она посмотрела на Анну Валерьевну удивленно и захлопнула рот, как лягушка в мультфильме.

– Дайте посмотреть! – Анна Валерьевна потянулась к табакерке. – Прикольная вещица. Ой, да тут и инициалы есть – «М» и «R», как раз подходят. Михаил Рубцов! Молодец, Вероника, шеф непременно подарок оценит, он человек творческий!

Посрамленная Светка удалилась, а Вероника с Нинелью аккуратно завернули табакерку, потом попили чайку, а там и рабочий день закончился. Заказов сегодня было немного, и шеф отсутствовал, так что все немного расслабились.

День рождения шефа приходился на завтра, но весь следующий день он с двумя фотографиями был занят на свадьбе. Свадьба была с большим размахом: пятьсот человек гостей, прием в загородном ресторане, банкет, театрализованное представление. Все это надо было снимать. Причем очень качественно. Так что празднование дня рождения перенесли на следующий день.

Светка Соколова развила бурную деятельность: закупила шампанского, сделала бутерброды с копченой колбасой, украсила салон воздушными шариками и все порывалась почистить табакерку зубным порошком, чтобы она заблестела. Еле удалось ее уговорить этого не делать. Анна Валерьевна вконец рассердилась и даже повысила голос.

– Ты свою неуправляемую активность поумерь! – сказала она и убрала табакерку в сейф.

Светка недоуменно захлопала глазами и не нашла ничего лучше, чем пожаловаться Веронике:

– Что я такого сделала? За что она на меня? Бегаешь, стараешься, а в ответ – никакой благодарности!

Вероника покосилась на нее с удивлением. Похоже, Светка и правда не понимает, как всех раздражает ее кипучая деятельность. И, хоть она решила ничего не объяснять и, по обычаю, промолчала, Светка тут же завелась:

– Молчишь? Боишься Анне поперек слово сказать? Думаешь, если будешь ей подпевать во всем, она за тебя перед шефом словечко замолвит? Они ведь друзья старые...

– А мне что за дело до их отношений? – Вероника недоуменно пожала плечами.

– Да? – Светка ехидно прищурилась. – Думаешь, мы все слепые? Никто ничего не видит?

– Уж ты-то точно видишь только то, что хочешь, – буркнула Вероника. – И вообще, тебе работать не надо? Тогда иди, стихи сочиняй поздравительные...

– Ты не командуй! – снова визгливо заорала Светка.

– Да отвали ты! – рявкнула Вероника, которой стало неловко такое терпеть.

Светка удивилась и ушла, а Вероника задумалась.

Что с ней происходит? Отчего она так грубо разговаривает? Конечно, Светка Соколова давно нарывается, но Вероника-то всегда держала себя в руках. Не на рынке работает, вокруг – приличные люди, опять же с заказчиками нужно быть вежливой. Все это – из-за Светкиных грубых намеков, в которых, надо сказать, нет ни слова правды. А может, есть?

Шеф Михаил Юрьевич ей нравится, это верно. Какой он яркий, талантливый! И красивый... Но Веронике все же не пятнадцать лет, на вещи надо смотреть реально, здраво. Разве пара ему она – унылая, сутулая пожарная каланча? Верста коломенская. Жирафа долговязая. Тетя, достань воробушка!

Ничего в ней нет примечательного, как человек – она неинтересна, и внешность тоже так себе... В общем, у нее и в мыслях нету ничего такого. И оправдываться перед Светкой ей не в чем.

– Девушка, может, вы обратите наконец на меня внимание? – послышался рассерженный голос клиента.

Оказывается, он давно уже топтался перед стойкой.

– Извините. – Вероника улыбнулась, забирая у него квитанцию.

На фотографиях был он сам – толстый, неопрятный, но довольный. И такая же толстая жена, тоже весьма довольная. Умеют же некоторые люди получать от жизни радость!

Антон подошел к двери Загряжского, позвонил.

Замок щелкнул, дверь распахнулась. Напротив нее в кресле на колесах сидел Леонид Романович.

Представительный, даже красивый в свои без малого семьдесят, с длинным выразительным лицом, иссеченным глубокими морщинами, обрамленным слегка вьющимися серебряными волосами. Лицо аристократа, лицо сильного, волевого человека. Вынужденная беспомощность явно тяготила его. Две недели назад Загряжский попал в ДТП, остался жив, но сложный перелом ноги лишил его возможности самостоятельно передвигаться.

– Ну что, Антон? – проговорил Леонид Романович с нетерпением. – Где она?

И только тут он заметил пластырь на голове соседа, ссадины и царапины на его лице.

– Что с вами случилось? – забеспокоился Загряжский, отъехал назад, пропуская Антона в прихожую. – Да заходите же! Вы что – попали в аварию? Заходите, присядьте, вам, наверное, тяжело стоять?

– Да нет, ничего... – смущенно отозвался Антон. – Я-то в норме, но вот она... – Он прошел в прихожую, закрыл за собой дверь, покаянно опустил глаза. – Дело в том, что... на меня напали, едва я вышел из магазина...

– Напали? – перебил его Загряжский. – Черт знает что творится в городе! Сколько их было?

– Я не знаю, я их не видел... меня ударили сзади по голове, я потерял сознание...

– Так вам срочно нужно к врачу! – заволновался Леонид Романович. – У вас может быть сотрясение мозга! С ним шутки плохи!

– Да нет, я нормально себя чувствую. – Антон пренебрежительно отмахнулся. – Но вот она...

– Она? – недоуменно переспросил сосед.

– Ну да... ваша табакерка... у меня ее украли. То есть отняли. Когда я пришел в себя, табакерки у меня не было...

В первый момент Загряжский не смог справиться со своим лицом: на нем проступили разочарование, горечь и даже злость. В следующее мгновение он взял себя в руки, вздохнул и проговорил почти спокойно:

– Ну, что поделаешь! Ничего страшного, главное, чтобы для вас это обошлось без последствий. Хотя, конечно, жаль, если я прав, эта табакерка принадлежала самому Робеспьеру...

– Кому? – переспросил Антон.

– Максимилиану Робеспьеру, – повторил Загряжский. – Ах, ну да, я всегда забываю, что нынешняя молодежь совершенно не интересуется историей... Максимилиан Робеспьер – один из вождей Великой французской революции, предводитель клуба якобинцев, председатель революционного Конвента...

– Ну, Леонид Романович, – перебил его Антон, – во-первых, напрасно вы причисляете меня к современной молодежи. Я не такой уж молодой человек...

– По сравнению со мной – вы просто мальчишка!

– Во-вторых, я не настолько безграмотен, как вы думаете. Во всяком случае, я кое-что слышал о Робеспьере, знаю, что он был вдохновителем революционного террора, за что его позже уважали большевики. Даже набережную в нашем городе называли его именем. Удивился

же я только тому, что эта табакерка показалась мне простоватой для человека, стоявшего во главе Франции, пусть и недолго.

– А вот это вовсе не удивительно! – возразил Загряжский. – Робеспьер даже среди своих соратников выделялся скромностью и аскетизмом, годами носил один костюм, жил в маленькой комнатке, которую снимал у столяра, даже когда стал председателем Конвента и фактическим диктатором Франции. Именно за такую бытовую скромность он получил у современников прозвище Неподкупный.

– Вы уверены, что эта табакерка принадлежала именно ему?

– Ну, пока не проведены все исследования, полной уверенности нет. Но предварительные данные говорят, что это так. В воспоминаниях одного из якобинцев написано, что в самом начале тысяча семьсот девяносто четвертого года Робеспьер в знак дружбы подарил серебряную табакерку своему молодому соратнику Огюсту Декланжу. Этот Декланж благополучно пережил якобинский террор, при Наполеоне дослужился до полковника. Его правнук переселился в Россию, служил; выйдя в отставку, стал помещиком Тамбовской губернии. А я несколько лет тому назад познакомился с интеллигентной старушкой, которая рассказала мне, что ее прадед был тамбовским помещиком, из обрусевших французов, фамилия его была Декланов. И в их семье как зеницу ока хранили некую табакерку. Истории этой табакерки старушка в подробностях не знала, но повторяла, что прадед очень ее берег, притом что табакерка с виду не представляла из себя большой ценности...

Витек Перегудов брел по улице, зырая глазами по сторонам, – мало ли, подвернется что-нибудь стоящее. Подвыпивший работяга с оттопыренным карманом или бестолковая баба – в общем, кто-то, чьи карманы обчистить ничего не стоит.

Правда, сегодня Витек уже провернул хорошее дельце, так что день, как говорится, прожит не зря, не потрачен впустую, но терять квалификацию тоже не годится.

Оглядывая прохожих на предмет кражи, он чуть не прошел мимо длинной черной машины. Уже в самый последний момент заметил, что за рулем сидит мордатый бритоголовый тип – тот самый, который поручил ему раздобыть табакерку.

Бритоголовый мигнул Витьку – мол, садись в машину.

Два раза повторять ему не пришлось.

Витек сел на пассажирское место, удобно развалился, расплылся в улыбке.

Нет, все же хорошо живут эти богатые! Машины у них удобные, с мягкими сиденьями. Даже пахнет в них классно – коньяком, хорошим табаком, дорогой кожей. Витек довольно зажмурился, достал из кармана расческу, расчесал редкие рыжеватые волосы.

Машина сорвалась с места, проехала несколько кварталов, свернула под мост и снова остановилась.

Пока они ехали, настроение у Витька изменилось. Вообще, оно менялось быстро, как погода в Питере. Улыбка сошла с его лица, сменившись раздраженной гримасой. Витек подумал, что вот трудится он в поте лица, минуты свободной не имеет, носится по городу как ошалелый, но никогда в жизни не заработает на такую машину. Это сколько же кошельков нужно стащить, чтобы купить такое?..

– Принес? – вторгся в его мысли холодный, мертвый голос бритоголового.

– А как же! – Витек снова повеселел, полез за пазуху, нашарил там сверток. – Вот она!

Бритоголовый взял у него сверток, зашуршал бумагой.

– Дело сделано! – жизнерадостно проговорил Витек. – Пора расплатиться, согласно договору!

Это был самый приятный момент: сейчас бритый лох отслюнит Вите положенное, и можно будет с бабками в кармане закатиться к Анжелке на Третью Советскую... Анжелка – баба хорошая, с пониманием, но без денег к ней лучше не соваться.

Однако бритоголовый тип подозрительно долго молчал. А потом всем телом повернулся к Витьку и процедил:

– Что ты мне принес?

– То есть как это – что? – переспросил Витек. – Что ты велел, то и принес! Эту... как ее... табакерку!

– Это не та табакерка! Ты что – хочешь меня развести, как дешевого лоха?

Настроение Витька снова начало меняться. Этот бритый фряер, похоже, не хочет платить ему, что положено? Это он хочет обвести Витьку вокруг пальца, хочет проехать без билета! Но нет, с ним, Витьком Перегудовым, такой номер не пройдет! Он хоть и не крутой авторитет, а мелкий прибалтанный субчик, можно сказать – крестовая шестерка, об которую авторитетные уголовники ноги вытирают, но кинуть себя какому-то фряеру не позволит!

– Э, фряерок, – процедил он высоким неприязненным голосом. – Так дела не делаются. Ты мне велел взять вещь у того мужика, когда он выйдет из лавки, – я и взял. Я свое дело сделал как положено, так что попрошу рассчитаться!

Похоже, угрожающий тон Витьки не произвел на бритого фряера никакого впечатления. Он неприязненно взглянул на карманника, презрительно скривил рот и ответил:

– Так вот что я тебе скажу. Принесешь мне ту табакерку, которая мне нужна, – получишь деньги, не принесешь – ни шиша не получишь! Я за просто так платить не собираюсь!

– Я тебе уже принес одну! Ежели она тебе не понравилась, я тут ни при чем! Ишь, чего захотел – чтобы я за одну плату два раза работал? Ищи себе другого дурака! Только сперва со мной рассчитайся! Витя Перегудов за просто так не работает!

– Надо будет – десять раз отработаешь! Смотреть надо было, что берешь! И не строй из себя крутого, я таких в гробу видал!

– Видал он?! – взвизгнул Витек, сам себя накручивая на истерику. – Ты таких, как я, еще не видал! Гони монету, как договаривались, или...

– Или что? – усмехнулся бритоголовый. – Вот что, вали-ка ты отсюда, пока цел! Я поищу другого исполнителя, потолковее!

Глаза Витьки заволокла багровая пелена.

– Поищешь? – переспросил он и полез в карман, где у него лежал нож. – Это тебя в Обводном канале поищут, да только не найдут!

Однако вытащить нож он не успел.

Бритоголовый фряер оказался проворнее. Или он уже был готов к такому повороту событий, и нож у него был наготове. Во всяком случае, узкое лезвие вдруг сверкнуло у него в руке и мягко, словно в подтаявшее масло, погрузилось под ребра Витьку.

Витек охнул, в глазах у него потемнело, от чудовищной боли перехватило дыхание.

– Ты... что... – пролепетал он слабым, едва слышным голосом.

Это были его последние слова. Глаза Витьки Перегудова погасли, и он провалился в глухую бездонную тьму.

– Пожалуй, так оно и лучше, – проговорил бритоголовый, убедившись, что Перегудов мертв. – Лишний свидетель мне ни к чему.

С этими словами он открыл дверцу машины, вытолкнул Витькино тело на мостовую, огляделся по сторонам.

Поблизости никого не было, и он поехал прочь.

Дверной колокольчик звякнул, как всегда, в самый неподходящий момент – главная героиня как раз собралась выпить отравленное вино. То есть она, конечно, не знала, что вино отравлено, а Леша уже обо всем догадался...

Он с неудовольствием отложил книгу, убрал ее в ящик стола и взглянул на посетителя.

Это был крупный широкоплечий мужчина с выбритой наголо головой. От него исходило ощущение уверенности и силы. Причем силы опасной, недоброй, коварной.

Леша подумал, что чтение детективов негативно сказывается на его нервной системе. Старик опять оставил его в магазине одного, уехал по каким-то своим делам и обещал вернуться к обеду.

– Я вам чем-то могу помочь? – произнес он свою коронную фразу.

– Помочь? – переспросил бритоголовый и уставился на Лешу тяжелым неприязненным взглядом. – Еще как можешь!

– Вы ищите что-то конкретное?

– Да, очень конкретное. Мне нужна табакерка.

– Табакерка? – Леша вновь почувствовал смутное беспокойство, но вымученно улыбнулся и указал на левую витрину: – Вот здесь, вы видите, есть несколько очень хороших табакерок. Какой суммой вы располагаете?

– Ты меня не понял, – процедил посетитель. – Мне не нужно это твое залежалое барахло. Где та табакерка, которую ты должен был отдать Загряжскому?

– А, так вы от Леонида Романовича?.. – пробормотал Леша, опустив глаза. – Ему не понравилась табакерка, которую он приобрел?

– Ты мне лапшу на уши не вешай! – бритоголовый придвинулся ближе, навис над прилавком. – Ты отдал Загряжскому не ту табакерку! Я тебя ясно спросил: где та?

Леша облизал пересохшие губы и часто, растерянно заморгал. Странный посетитель его здорово напугал, и он не знал, как выкрутиться из дурацкого положения.

– Ты меня не понял? – бритоголовый протянул руку, схватил с полки ту самую мейсенскую пастушку, из-за которой Старик недавно отчитывал Лешу, швырнул ее на пол. Статуэтка разлетелась на сотню розовых осколков.

– Что вы делаете?! – вскрикнул Леша и потянулся к тревожной кнопке. Старик говорил, что группа быстрого реагирования приедет через пять минут...

– Даже не думай! – рявкнул бритоголовый.

В его руке появился нож, глаза вспыхнули мрачным огнем, и Леша отдернул руку от кнопки.

– Ты меня так и не понял, – проговорил страшный посетитель, приставив нож к Лешинной груди. – Я с тобой не шутки шутить пришел. Мне нужна табакерка, *та самая* табакерка! Где она? Отвечай быстрее, у меня мало времени!

– Но... но ее здесь нет... – залепетал Леша.

– Ответ неправильный, – посетитель схватил свободной рукой чудную, синюю с золотом, немецкую вазочку для конфет и бросил на пол. Следом за вазочкой полетела чайная чашка с пухлым розовым ангелом. Севр, восемнадцатый век...

– Что вы делаете?! – вновь вскрикнул Леша.

– Освежаю твою память! Итак, в последний раз спрашиваю – где табакерка?

Бритый схватил старинную немецкую сахарницу в виде слона с погонщиком на спине. Леша вспомнил цену этой сахарницы и жалобно проговорил:

– Не надо... поставьте на место, пожалуйста... Ее... ту табакерку... купила девушка...

– Девушка? – Сахарница зависла над полом, Леша следил за ней как зачарованный. – Какая еще девушка? Что ты несешь? Девушки не покупают антиквариат!

– Она купила не для себя, – поспешно заговорил Леша. – Ей нужен был оригинальный подарок для шефа... для начальника... у него был день рождения...

– Начальник? – переспросил бритоголовый, покачивая на весу сахарницу. – Какой начальник? Не пытайся меня обмануть!

– Я не обманываю! – пробормотал Леша. – Честное слово! Да вот же ее визитка...

Он потянулся к ящику, куда сунул визитку той долговязой девчонки, но бритоголовый тип рявкнул:

– Я сказал – держи руки на виду! Или я их тебе укорочу!

– Но визитка...

– Я сам ее найду! – Бандюга поставил злополучную сахарницу, обошел прилавок, выдвинул ящик, увидел там раскрытую книгу, хмыкнул, перетасовал стопку визиток.

– Вот эта! – пискнул Леша, показывая глазами на серебристый картонный прямоугольник.

Бритоголовый осторожно взял визитку двумя пальцами за края, прочел:

– «Золотой глаз». Все виды художественной фотографии. Съемка на свадьбах, юбилеях, корпоративах. Мы запечатлеем счастливые моменты вашей жизни!» Ты ничего не перепутал? – процедил он угрожающе. – Это точно ее визитка?

– Я клянусь! – Леша выпучил глаза, прижал руки к груди.

– Ну смотри! – бритоголовый сунул визитку в карман, обошел прилавок, повернулся: – Если ты меня обманул – пеняй на себя!

Затем он небрежным жестом смахнул с прилавка сахарницу и покинул магазин, напоследок звякнув колокольчиком.

Леша еще долго не мог пошевелиться. Он смотрел то на дверь, закрывшуюся за страшным посетителем, то на разноцветные осколки фарфора, усеявшие пол магазина.

Решили праздновать в обед, для этой цели шеф разрешил даже закрыть ателье.

– Извините! – Вероника повесила на дверь табличку: «Закрито по техническим причинам».

– Ничего, подождут, – уверенно сказала Светка, – не каждый день у нашего шефа день рождения. И все с ней согласились.

Нинель Васильевна нарезала торт, Вероника расставляла бокалы, фотограф Виталик открывал шампанское.

– Дорогой Михаил Юрьевич! – начала Светка, постучав ложечкой по стеклу и добившись относительной тишины. – В этот торжественный день позвольте поздравить вас...

– И с днем ваших именин! – гаркнул Виталик басом.

Светка покосилась на него злобно, но продолжала, стараясь перекрыть смех и звон бокалов:

– Поздравить вас с вашим замечательным праздником и пожелать вам всего...

Сегодня стихи у Светки не получились. Вероника не знала, как для всех, а для нее это было приятным сюрпризом.

– Всего самого-самого, чего вы для себя хотите! – орала Светка. – И чтобы для вас всегда светило солнце в объектив...

– В объектив не надо, – ввернул неугомонный Виталик, – снимки не получатся...

Светка посмеялась вместе со всеми, но на Виталика бросила такой выразительный взгляд, что едва не прожгла дыру в его фирменной джинсовой рубашке.

– И в этот торжественный день мы решили преподнести вам памятный и очень оригинальный подарок! – Чтобы перекрыть шум, Светка завизжала, как циркулярная пила.

И уже вышла из кабинета Анна Валерьевна, держа в руках сверток с табакеркой, и улыбнулась, и протянула руки. Она настояла на том, чтобы лично вручить шефу подарок. Вероника подозревала – чтобы не допустить Светку до поцелуев. Наверняка Михаил Юрьевич сам об этом бухгалтера попросил, в прошлый раз он едва уловимо поморщился во время такого же действия. Светка еще, ко всему прочему, неумеренно обливалась отвратительно пахнущими духами.

Бухгалтер сделала шаг в сторону шефа, и тут у него зазвонил мобильный телефон. Он взглянул на дисплей, и мгновенно улыбка сбежала с его лица.

Анна Валерьевна махнула рукой Светке, чтобы та не вздумала кричать. Все знали, что это такое. Было у Михаила Юрьевича еще одно занятие. Иногда ему звонили и вызывали на съемку. Звонили не часто, но являться нужно было немедленно. Никто не знал, откуда звонят, известно было только, что снимать шефу приходится ну очень высоких лиц. И сейчас, надо думать, случилось именно то самое событие.

– Понял, – коротко сказал шеф в трубку, потом послушал еще и закончил: – Буду. Ну вот, – сказал он, убирая мобильник, – простите, ребята, но труба зовет. Вы уж тут празднуйте без меня.

– А подарок... – заикнулась было Светка, но шеф сделал большие глаза и показал пальцем наверх. И после этого исчез.

– А что? – сказал Виталик. – Так даже лучше. Раскрепостимся без начальства-то! Анна Валерьевна, давайте на брудершафт выпьем!

– Ну тебя, балабон! – отмахнулась бухгалтерша.

– Тогда с тобой, Вероничка! И поцелуемся непременно!

Он был ниже ее на голову, но выглядел ужасно смешным, когда закрыл глаза и вытянул губы трубочкой. Она глотнула шампанского и поцеловала Виталика в лоб.

...Михаил проехал под железнодорожным мостом и выехал за пределы города. Где-то здесь его должны встречать...

Он покосился на заднее сиденье, где лежала сумка с оборудованием – камеры, объективы и все прочее, что может понадобиться для съемки. Сегодняшний день должен стать судьбоносным в его карьере элитного фотографа!

То есть, конечно, ему уже удалось приобрести имя, он был одним из самых известных фотографов в городе, но Ольшанский – это совсем другой уровень, это уже Москва... Если Ольшанский останется доволен – он может рекомендовать Михаила своим знакомым, а это самые известные, самые богатые и влиятельные люди в стране... Главное, не ударить в грязь лицом, провести фотосессию на самом высоком уровне!

Занятый такими приятными и волнующими мыслями, Михаил едва не пропустил нужный поворот. В самый последний момент он увидел на перекрестке длинную черную машину и стоявшего возле нее человека, высокого и массивного, в длинном черном плаще, с наголо бритой головой.

Михаил, как настоящий фотограф, отметил, что этот бритоголовый человек очень фотогеничен, в нем есть какая-то зловещая красота, то, что называют харизмой. Если бы ему предстояло снимать этого человека, задача была бы очень простой, но Ольшанский – совсем другой случай: мелкий, тщедушный человечек с незначительным лицом. Трудно поверить, что он – магнат и миллиардер, один из богатейших людей нашего времени. Чтобы сделать его фотографии яркими и выразительными, Михаилу придется основательно потрудиться...

Бритоголовый помахал рукой. Михаил сдал назад, подъехал, опустил стекло:

– Вы, наверное, меня ждете?

– Если вы – Рубцов.

– Совершенно верно! – Михаил приветливо улыбнулся, назвал свое имя, но бритоголовый не представился в ответ, на лице его не дрогнул ни один мускул. Он пристально оглядел Михаила, сдержанно кивнул и проговорил:

– Поедете за мной!

Черная машина свернула на боковую дорогу и помчалась вперед. Михаил последовал за ней.

По сторонам от дороги пролетали светлые березовые рощицы, просторные поляны. Промелькнула маленькая невзрачная деревенька. На смену пронизанным солнцем лиственным рощам пришел темный, мрачный ельник.

Дорога сделала плавный поворот. Впереди показался шлагбаум. Черная машина мигнула задними огнями, сбросила скорость и плавно остановилась. Михаил остановился чуть позади. Бритоголовый мужчина вышел из своей машины, подошел к «ауди» Михаила и наклонился:

– Пересядьте, дальше я поведу сам!

Михаил пожал плечами: у богатых свои причуды, а его дело маленькое – делай, что велят...

Он пересел на пассажирское место. Бритоголовый сел за руль, достал из кармана брелок, нажал на кнопку. Шлагбаум плавно поднялся, и машина покатила дальше.

Вскоре дорога сделала еще один поворот.

Михаил ожидал увидеть впереди красивый загородный дом или ухоженный парк с посыпанными гравием дорожками, с копиями античных статуй, гротами и беседками – но вместо этого в лесу показалась прогалина, обрывающаяся краем глубокого оврага.

Водитель затормозил, поставил машину на ручник и повернулся к Михаилу:

– Нам рекомендовали вас, как лучшего фотографа в городе.

– Ну что ж, не буду скромничать. – Михаил довольно улыбнулся. – Говорят, я и правда неплохо снимаю, у нас в городе я очень востребован. Знаете, как это бывает – несколько лет ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя...

– Мы, конечно, могли вызвать из Москвы фотографа, с которым обычно работаем, – бритоголовый назвал известную фамилию. – Но решили попробовать нового человека. Так что, сами понимаете, от того, как вы себя покажете, будет зависеть ваше будущее...

С этими словами бритоголовый покровительственно похлопал Михаила по плечу.

Михаил хотел было возмутиться: он все же не рядовой служащий, он человек творческий, незаурядный и не привык к такому пренебрежительному обращению...

Но вдруг он почувствовал укол в плечо, голова закружилась, и слова застряли у него в гортани. Он внезапно ощутил ужасную слабость, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, как будто только что разгрузил вагон угля.

– Что... что это... что вы... что со мной... – пробормотал он едва слышно.

Язык онемел, он едва помещался во рту и ворочался с трудом, как после обезболивающего укола.

А бритоголовый тип внезапно изменился.

Глаза его заблестели, черты лица заострились, скулы залила восковая желтоватая бледность. Он склонился над Михаилом и проговорил холодным, жестким, требовательным голосом:

– Где табакерка?

– Ч-то?.. – переспросил Михаил, с трудом ворочая языком. – О чем... вы... говорите?..

– Ты слышал, – бритоголовый облизал сухие губы. – Повторяю: где табакерка?

– Ка... какая табакерка?.. – с трудом выдохнул Михаил. Он пытался понять, что происходит, чего хочет от него этот странный человек, но мысли ворочались в голове так же тяжело, как язык во рту.

– Старинная французская табакерка! – процедил бритоголовый. – Где она?

– Понятия... не имею... о чем вы... говорите... – пролепетал Михаил едва слышно.

– Тебе должны были ее подарить подчиненные! У тебя вчера был день рождения!

– Да... – честно признался Михаил. – День рождения... вчера... но я весь день был на выезде... они хотели отпраздновать сегодня, но не успели... ваш звонок...

– Черт! – бритоголовый ударил кулаком по сиденью. – Черт, черт! Какой прокол! – Он вновь склонился над Михаилом и спросил, тяжело двигая желваками: – У кого табакерка?

– Я... я не знаю... – Михаил испуганно смотрел в горящие пронзительные глаза. Он никак не мог понять, чего от него хочет этот ужасный человек.

Все это было непонятно и бессмысленно. Какое отношение имеет ко всему происходящему его несостоявшийся день рождения? При чем тут какая-то табакерка?

– Черт! – повторил бритоголовый, скривившись. – Похоже, ты и правда ничего не знаешь. После этого укола ты бы не смог врать. Но тебе это не поможет. Ты видел меня, ты знаешь о табакерке, значит, тебя ни в коем случае нельзя оставить в живых...

– Пожалуйста, не надо... – пролепетал Михаил, но у него не было сил даже на страх, даже на мольбу. Сознание его путалось, перед глазами плыли цветные круги и полосы.

Тем временем бритоголовый начал лихорадочно действовать. Он перетащил Михаила на водительское место, затем достал из кармана маленькую бутылочку водки, побрызгал вокруг, остатки влил в рот Михаилу. Затем снял машину с ручника, выбрался из нее и подкатил к краю оврага. Еще один сильный толчок – и машина, постепенно набирая скорость, покатила вниз.

Водка, которую невольно проглотил Михаил, обожгла пищевод.

Сознание его внезапно прояснилось, зрение стало отчетливее. Он увидел несущийся ему навстречу склон оврага, увидел на самом его дне огромный валун. Машина катилась именно к этому валуну, еще несколько секунд – и она врежется в него, и тогда – все, конец...

Собрав остатки сил, Михаил бросил непослушное тело к дверце. К счастью, замок не был заблокирован, дверца распахнулась, и Михаил выкатился из машины. Он врезался лицом и плечом в склон, ободрал руку о корявый корень, ударился головой о толстый сук. В глазах у него потемнело, но он все же сумел откатиться в сторону, больше того – как раненое животное, инстинктивно ищущее убежища, заполз в колючие заросли можжевельника.

И тут ниже по склону раздался грохот – это его машина врезалась в валун. Зазвенели бьющиеся стекла, заскрежетал металл, на секунду наступила тишина, а потом грохнуло гораздо громче, чем в первый раз: взорвался бензобак.

Михаил приподнялся на локте, выглянул из своего укрытия и увидел охваченный огнем остов машины...

В ту же секунду последние силы оставили его, и он потерял сознание.

На краю оврага стоял бритоголовый человек в длинном черном плаще.

Он смотрел на пылающие обломки машины. Убедившись, что все кончено, он резко развернулся и зашагал обратно, к шлагбауму, туда, где оставил свою машину.

Чертова табакерка опять ускользнула от него. Такое впечатление, что она играет с ним в прятки!

Ну ничего, теперь он знает, где ее искать. Перед смертью фотограф раскололся. Ему не успели подарить табакерку – значит, она находится в фотоателье.

Робеспьер спустился с трибуны, опустив голову.

Его речь приняли хорошо, доброжелательно. Ему хлопали... но хлопали, как хлопают артисту на вторых ролях, хуже того – как ярмарочному фокуснику: сдержанно, покровительственно. Нет, ему нужен не такой успех... Мирабо, Варенн, Лафайет – вот кого толпа встречает бурными аплодисментами! В чем же причина их успеха? Да всего лишь в том, что у них есть имя, есть родословная, есть связи. Он же в глазах парижан был и остается жалким провинциалом. То есть даже сейчас, в годы Великой революции, нет равенства, нет справедливости!

Робеспьер сам удивился тому, с какой злостью он думает о более удачливых политиках.

Но разве он завидует выпадающим на их долю аплодисментам?

Нет, аплодисменты – это пустой звук, мишура, фальшивая монета! Если он завидует – то только месту, которое эти люди займут на страницах Истории. И даже больше этого – тому, что они смогут внести свой вклад в борьбу за Справедливость...

Робеспьер уже подходил к выходу из зала, когда его остановил худощавый человек средних лет в скромном сером сюртуке.

– Господин Робеспьер! – проговорил он вполголоса. – Не изволите ли...

– Не господин, а гражданин! – поправил его Максимилиан. – А впрочем, что вам угодно?

– Мне поручено пригласить вас на встречу с весьма влиятельными господами... простите, гражданами.

– Кто они такие и почему я должен идти на эту встречу?

– Разумеется, вы ничего не должны, но вам просили передать, что встреча с этими господами может самым благоприятным образом отразиться на вашей политической карьере.

Робеспьер задумался.

Конечно, это весьма странное приглашение, но отчего бы не принять его?

Только что он думал о том, что ему не хватает связей, влиятельных знакомств – и вот его приглашают на встречу некие влиятельные господа. Может быть, это перст судьбы? Может быть, это событие изменит его жизнь?

– Что ж, ведите меня! – решительно проговорил Робеспьер.

Незнакомец учтиво поклонился и вывел его из здания боковым коридором. На улице их ждал закрытый экипаж.

Робеспьер поднялся в него и сел на подушки. Человек в сером устроился на козлах, и экипаж тронулся.

В экипаже Робеспьер оказался не один. Напротив него сидел невысокий человек крепкого сложения в черной треугольной шляпе. Робеспьер поздоровался с ним, как того требуют приличия, но тот в ответ только что-то нечленораздельно пробурчал.

Экипаж мчался, ровно покачиваясь на рессорах. Окна его были закрыты плотными шторами из черного бархата. Робеспьер хотел выглянуть в окно, чтобы узнать, куда его везут, но шторы были так плотно закреплены, что не оставалось ни щелки.

– Куда мы едем? – спросил он у своего спутника.

Тот опять что-то промычал.

– В конце концов, месье, это невежливо! – рассердился Робеспьер. – Извольте ответить на мой вопрос!

Незнакомец вновь замычал и открыл рот. Во рту у него торчал багровый обрубок языка.

Робеспьер испуганно замолчал.

Наконец экипаж поехал медленнее и вскоре остановился. Дверца его открылась. Немой спутник Робеспьера ловко выкатился наружу, откинул лесенку, помог пассажиру спуститься.

Робеспьер огляделся.

Они находились в незнакомом месте, в одном из предместий Парижа. Перед ними была кованая решетка, за ней – заросший, неухоженный сад.

Немой ключом открыл калитку, вошел в сад и жестом предложил Робеспьеру следовать за ним.

Несколько минут они шли по извилистой дорожке среди кустов жимолости, наконец вышли на открытый участок, посреди которого возвышался дом, скорее даже небольшой замок. По краям фасада имелись две круглые башни, в центре – каменное крыльцо. На двери – массивная бронзовая ручка в виде головы дракона с кольцом в пасти.

Немой поднялся на крыльцо, постучал в дверь бронзовым кольцом.

Дверь тотчас открылась.

На пороге стоял человек в черном камзоле и позолоченной маске. В руке его был массивный посох из черного дерева.

– Благодарю тебя, Поль! – проговорил он, кивнув немому, и тот тотчас же удалился.

– Приветствую тебя, путник! – на этот раз человек в маске обратился к Робеспьеру. – В этом доме тебя ждет теплый прием!

Из-за маски голос его казался гулким и каким-то неживым.

– Вы хотели встретиться со мной? – осведомился Робеспьер, желая как можно скорее прекратить эти странные церемонии и перейти к делу. – Я приехал. Извольте...

Но человек в маске не дал ему договорить. Он поднес палец к губам, повернулся и пошел в глубь особняка.

За дверью был огромный холл, выложенный черно-белыми плитами, как шахматная доска. В глубине этого холла разинул свою пасть камин – столь огромный, что в него вполне свободно мог бы въехать экипаж, на котором сюда привезли Робеспьера. По обеим его сторонам возвышались изваяния неких чудовищ с телами людей и головами волков.

– Чей это дом? – спросил Робеспьер своего провожатого, но тот вновь прижал палец к губам.

Они поднялись по лестнице, прошли по сводчатому коридору и вошли в длинную полутемную комнату.

В этой комнате за длинным столом восседали одиннадцать человек в таких же, как у провожатого, позолоченных масках. В глубине комнаты жарко пылало пламя в камине – не таком большом, как в холле, но очень красивом.

Робеспьер наконец понял, куда его привели.

Это была одна из масонских лож, о которых ему много приходилось слышать. Говорили, что некоторые ложи обладают большим влиянием. Что ж, может быть, это именно то, что нужно, здесь он приобретет те связи, которых ему не хватало, чтобы выйти в первые ряды деятелей революции...

Когда дверь открылась, все лица, точнее, все маски повернулись к вошедшим. Провожатый Робеспьера остановился на пороге и трижды ударил в пол своим посохом.

– Кто это стучит? – спросил человек, восседавший во главе стола.

– Это брат Скорпион, привратник ложи! – отвечал спутник Робеспьера. – Я привел путника, нуждающегося в гостеприимстве, и прошу братьев открыть перед ним свои сердца! Этого путника привела в наш дом любовь к справедливости! Один из наших достойных братьев готов поручиться за него!

– Готов ли этот путник принять на себя тяжелый труд вольного каменщика? – осведомился председатель, повернувшись к Робеспьеру.

Тот замешкался, не зная, что сказать, но за него ответил провожатый:

– Путник устал в долгой дороге. Позвольте ему посидеть у огня и послушать разговоры братьев.

– Да будет так! – Председатель указал на кресло, стоявшее у камина.

Провожатый подвел Робеспьера к этому креслу.

Максимилиан опустился в него и почувствовал исходящее от камина благодатное тепло.

Все заняли свои места, и продолжился прерванный разговор.

Человек, сидевший по правую руку от председателя, заговорил:

– Все же мне кажется, что наиболее достойная фигура – это граф Мирабо...

– Согласен с вами, брат Стрелец! – поддержал его сосед. – Он, как никто, умеет увлечь толпу, а сейчас именно симпатии толпы играют решающую роль в судьбе страны!

Но тут слова попросил брат Скорпион – тот самый, кто привел сюда Робеспьера.

– Вы все знаете, братья, – начал он. – Все вы знаете, что в котле революции, как в ведьмином горшке, перемешаны самые разные, самые противоречивые компоненты. Здесь и мечты о милосердии, о любви и братстве, здесь и ненависть к ближнему, жажда крови и наживы. Приспособиться к этой адской смеси, научиться управлять ею почти невозможно. Но можно добавлять в этот котел щепотку то одной приправы, то другой, добиваясь определенного вкуса. Никому не дано знать, кто завтра станет избранником толпы – но можно играть на вкусах этой толпы, на ее пристрастиях.

– Что мы с вами и делаем, – вставил реплику председатель.

– Совершенно верно. – Оратор вежливо кивнул. – Так вот, мне кажется, что самым правильным будет поддержать этого человека. – И он плавным, красивым жестом указал на Робеспьера. – Особенно учитывая имя того, кто его рекомендовал...

– Кто же это? – несколько надменно осведомился брат Стрелец.

Все повернулись к Робеспьеру. Он же растерянно молчал, глядя на того, кто привел его в эту комнату.

Брат Скорпион встал и сказал нечто неожиданное:

– Друг мой, не угостите ли брата Стрельца табаком?

Максимилиан поднялся, подошел к удивленному масону и проговорил:

– Не хотите ли угоститься? У меня и в самом деле неплохой табак!

– Это неподходящий момент... – начал было брат Стрелец, но вдруг замолчал и буквально вцепился в табакерку.

– Что там, брат Стрелец? – осведомился председатель.

Тот молча протянул председателю табакерку Робеспьера.

Председатель поднялся со своего места.

– Так вот кто рекомендует нам этого путника!

Табакерка пошла по рукам. Она обошла вокруг стола и вернулась к Робеспьеру. Председатель повернулся к нему и взволнованно проговорил:

– Ваш приход – честь для всех нас! Мы готовы предоставить вам место за нашим столом, но правила ложи требуют соблюдения некоторых формальностей. Так что, прежде чем занять подобающее вам место, вы должны принести обычную клятву.

– Да будет так! – ответил Робеспьер.

Председатель достал откуда-то старинный свиток, протянул его Робеспьеру. Тот медленно, торжественно прочел:

– «Клянусь, во имя Верховного Строителя всех миров, никогда и никому не открывать без приказа от ордена тайны знаков, прикосновений, слов доктрины и обычаев масонства и хранить о том вечное молчание, обещаю и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии. Если я не сдержу этой клятвы, то обязываюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата, как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по воздуху, чтобы на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника».

– Аминь! – произнес председатель.

– Добрый день! – сказала Вероника. – Что вы хотели?

Заказчица выглядела очень плохо – нос красный, губы все время облизывает, одета небрежно, на пальто пуговицы нет. Больная, что ли? Вероника постаралась отодвинуться как можно дальше. Еще вирус подхватишь!

– Девушка, мне вот... увеличить для портрета...

И протянула маленькую карточку. Все ясно, не больна она вовсе, а плачет. И портрет этот нужен ей вовсе не для красоты, а для того, чтобы поставить его на видном месте в комнате, увить траурной черной лентой и перед ним расположить рюмку водки и кусок хлеба. Будет он так стоять, и люди, пришедшие на поминки, будут смотреть на него и вспоминать покойного.

Иной причины и быть не может, кому придет в голову делать портрет с фотографии на документы?

Вероника взяла из рук заказчицы крошечный прямоугольник фотокарточки и положила его перед собой. Вгляделась – и оторопела.

У нее всегда была хорошая память на лица. И теперь она точно знала, что перед ней фотография того самого типа, который три дня назад толкнул ее на улице возле антикварного магазина. Того самого, кто ударил по голове мужчину в машине. И отобрал у него сумку. Ограбил его, в общем. Он, больше некому!

Вероника пристально посмотрела на снимок. Редкие волосы, залысины на лбу, маленькие тусклые глазки. Выражение – не такое злобное, как в момент их столкновения, скорее испуганное.

– Что с ним случилось? – невольно спросила она, едва не добавив, что третьего дня она видела его живым и здоровым.

Женщина не удивилась ее вопросу.

– Умер мой Витенька, – она не удержалась и всхлипнула, – братик мой дорогой...

В голосе ее звучала такая боль, что Вероника опустила глаза. Подумать только, такой мерзкий тип, а вот была же у него близкая душа, любила его эта женщина, видимо, искренне.

– Одни мы с ним были на свете, – женщина больше не сдерживалась, заплакала навзрыд, – мама умерла, когда ему всего пять лет было. А мне – пятнадцать...

Она замолчала. Вероника уже думала, что продолжения не будет, но женщина снова заговорила:

– Жили с отцом, он пил сильно. Так я Витю вырастила. Маленький он такой был, все время болел. Качаю его, бывало, качаю, он все сказки просил ему рассказывать – про лису, там, как она волка обманула, про трех медведей...

– Вы успокойтесь, – мягко сказала Вероника, – теперь уж что...

– И верно, – женщина закивала головой и вытерла слезы рукавом, – что уж теперь делать! Только оплакать да похоронить по-человечески. Говорила ведь я ему, сколько я ему твердила: «Витя, не доведет тебя такая жизнь до добра!»

– А он что? – невольно спросила Вероника.

– А он только отмахивался – брось ты, все так живут! Да как же все, говорю, люди работают, премии получают, хорошего-то работника всегда ценят... А Витька смолodu такой был – с людьми плохо уживался, поработает два месяца – и заявление об уходе подает. Все, говорит, там сволочи, начальство норовит его обмануть, деньги недоплатить, я, говорит, горбатиться на чужого дядю не желаю!

Женщина помолчала, глядя, как Вероника аккуратно заполняет бланк заказа.

– Так вот и жил... Женился было, только она и года с ним не выдержала – злой он очень бывал, когда выпьет... Может, и правда на работе к нему плохо относились – с двумя судимостями-то на хорошую работу кто возьмет?

Женщина сообразила, что ляпнула лишнее, и прикрыла рот рукой, но Вероника даже не подняла головы от своих бумажек, как будто не слышала ее слов.

– Так и перебивался, мне ничего не рассказывал. То последние деньги у меня выпросят, а то придет веселый, при деньгах – гуляем, говорит, Анька, все у нас будет путем! Витя, говорю, нечестные это деньги, не будет от них ничего хорошего! Так оно и вышло... погиб мой Витенька...

– Как – погиб?! – Вероника подняла голову от бумаг. – Вы же говорили – умер... Я так поняла, что сердечный приступ...

– А тебе не все равно? – чужим, грубым голосом спросила вдруг женщина.

– Мне? – Вероника пожала плечами. – Разумеется, все равно. Вы говорите – я слушаю. Это моя работа.

Что-что, а разговаривать с клиентами она умела. Попадаются ведь люди разные. Иной и расскандалится на пустом месте. Вероника всегда была с клиентами вежлива, но и постоять за себя могла.

– Извини, – женщина сникла, – это я от горя. Одна ведь теперь осталась я на свете, никого нету! Зарезали Витю, братика моего... Позавчера утром рано – звонок. Спрашивают: «Перегудов Виктор Анатольевич вам кем приходится?» – «Брат, – говорю, – родной, я сама – Перегудова Анна». Ну он мне и бухнул сразу – нашли, мол, тело вашего брата под мостом в безлюдном месте...

– Ограбили?! – снова невольно вырвалось у Вероники.

– Да нет, бумажник на месте. Я ему подарила на прошлый Новый год... Там денег, конечно, не было почти, но права водительские лежали, хоть и просроченные давно... По ним его и опознали... Вот так... Сколько с меня?

Женщина заплатила за срочность, увеличенная фотография нужна была ей завтра. Вероника аккуратно подколола все квитанции и еще раз посмотрела на крошечную фотографию. Она вспомнила, какой лютой ненавистью полыхнули эти глаза тогда, три дня тому назад, и как он прохрипел: «Убью!»

Вот так вот. Тебя самого убили. Что не удивительно. Что-то не поделили дружки-приятели, вот и получил этот Витя нож в сердце.

Что ж, он это заслужил. Сколько на его совести таких случаев, как тогда, третьего дня? Хорошо, что не так сильно он того мужчину стукнул, а мог бы... Впрочем, и до того типа из машины Веронике нет никакого дела, она уж и забыла...

– О чем это ты размечталась? – ехидно спросила подошедшая неслышно Светка Соколова.

Что-то у нее в последнее время изменилась манера поведения. Раньше она носилась, как слон, энергия из нее была фонтаном, а теперь вот взяла моду – подкрадываться неслышно.

– Вот, как раз для тебя работа есть. – Вероника протянула ей карточку. – Сделай получше, постарайся, женщина очень просила, у нее других фоток нету...

– Да что тут можно сделать? – возмутилась Светка. – И снимок некачественный, и рожа у него...

Вероника промолчала: в принципе Светка была права.

– А я ведь знаю, о ком ты думаешь. – Светка не уходила. – О ком мечтаешь и ночами грезишь...

– Ты бы шла работать, – посоветовала ей Вероника.

– А что ты распоряжаешься? – мгновенно завелась Светка. – Ты у нас пока что не главная...

– Ты тоже, – буркнула Вероника.

– Если ты надеешься с Михаилом роман закрутить, то брось об этом думать! – Светкин голос стал еще более ядовитым. – У него жена вторая, молодая, красивая – не тебе чета, моли бледной!

Вот за что она так Веронику ненавидит? Вроде бы не ругались они никогда, не ссорились...

– Ты с чего это все взяла? – против воли спросила Вероника. – Фантазия у тебя слишком богатая, это точно... Ты, может, сама к шефу неровно дышишь?

– Мы все в него немножко влюблены, даже я... – рассмеялась Нинель Васильевна, подходя к ним, – уж больно он человек неординарный, творческий...

Вероника посмотрела на нее с благодарностью.

– Девочки! – в дверях кабинета стояла бухгалтер Анна Валерьевна, лицо ее было неестественно бледным, и помада на губах выделялась очень ярко. – Девочки!..

– Что такое, что случилось?

– Девочки! – голос у бухгалтерши дрожал. – Ой, девочки, беда!

Она вдруг схватилась за голову и взвыла по-бабьи.

– Да не томи, Анна, говори уж! – рявкнула Нинель Васильевна.

Ее слова возымели действие. Анна Валерьевна посмотрела на коллег более осмысленно и довольно твердым голосом сообщила, что их шеф, Михаил Юрьевич, попал в автомобильную аварию и сейчас находится в больнице в тяжелом состоянии.

От такой новости все трое окаменели на месте. Вероника очнулась от стука – это у уборщицы выпало из рук ведро с мыльной водой.

– Это точно?! – ахнула Нинель. Остальные говорить не могли.

– Точно, Юлия только что звонила.

Юлией звали новую жену шефа, совсем молодую и очень интересную девицу. Михаил Юрьевич женился на ней недавно, года еще не прошло. Вероника ее не видела, новая жена оказалась не из тех, кто первым делом устраивает инспекцию на работе мужа и меняет его секретаршу.

– Еще вчера, – всхлипывала Анна Валерьевна, – а мы ничего не знали! А сегодня он в себя пришел, установили его личность, позвонили ей, она – нам... Ой, горе-то!

– Что теперь будет? – Светка шмыгнула носом. – Если он...

– Не каркай! – строго прикрикнула бухгалтер. – Будем работать, как раньше!

– И правда, – Нинель Васильевна укоризненно покачала головой, – разве можно такое говорить, когда человек в тяжелом состоянии? Как это случилось-то?

– Она сама толком не знает, вроде бы машина его свалилась в овраг. Ехал по незнакомой дороге, на Карельском перешейке где-то. Ну, вчера его туда вызвали... Да что гадать, – Анна Валерьевна вдруг засуетилась, – нужно в больницу ехать, там, на месте, все и разузнаем. Все равно мне Мишина подпись на документах нужна...

– Ты за рулем-то сможешь? – по-свойски спросила Нинель Васильевна.

– А что делать? – вздохнула бухгалтерша и оглянулась на Веронику. – Слушай, поехали со мной, все-таки рядом кто-то будет. Света, ты пока на заказах посидишь.

– Но у меня работа... – Светка потрясла квитанцией, что дала ей Вероника.

– Совместишь! – теперь голос бухгалтера зазвучал как раньше – жестко, видно, она уже полностью пришла в себя.

Доехали они быстро, в пути Анна Валерьевна молчала, сосредоточившись на дороге. Михаил Юрьевич занимал отдельную палату, об этом уже позаботилась его жена. Посетителей к нему пускали в любое время, кроме, разумеется, ночи.

Палата находилась в самом конце коридора, там, в тупичке, стояло большое разлапистое растение в кадке и низкий диван, обитый синим дерматином.

– Ты посиди здесь. – Анна Валерьевна помедлила, взявшись за ручку двери.

– Хорошо. – Вероника и сама хотела предложить ей это – нечего к больному человеку толпой вваливаться.

Она успела заметить в приоткрывшуюся дверь шефа, лежавшего на кровати. Одна нога у него была в гипсе, голова забинтована.

Вероника присела на диван, посидела немного и оглянулась на четкий стук каблуков. К палате подошла молодая женщина. Она шла неторопливо, ступая с уверенностью, и выглядела так, что казалось – от нее исходит сияние. Не мягкое нежное сияние, в котором старые мастера рисовали на картинах Мадонну, нет, эта на Мадонну никак не походила. От нее исходил блеск – яркий, жесткий и холодный, как от энергосберегающей лампы.

Во всяком случае, в коридоре сразу стало светлее. Немногочисленные встречные невольно оглядывались ей вслед – и доктора, и больные, и не только мужчины. Женщины смотрели на нее без всякой зависти – не станешь же завидовать голландской королеве, Виктории Бекхэм или Анджелине Джоли.

Женщина подошла ближе и по-хозяйски взялась за ручку двери в палату Михаила Юрьевича. И Вероника поняла, что это и есть новая жена шефа. И еще одну вещь она уразумела: жена его была совершеннейшая красавица. Надето на ней было что-то очень простое, но ясно, что дорогое. И волосы, светлые, свободно падали на плечи. Она была очень стройна, худая, ничего лишнего. И глядела на весь мир свысока. Потому что ростом была едва ли не выше Вероники. Ну да, каблучки же...

Не обратив на застывшую Веронику ни малейшего внимания, как на деталь обстановки, Юлия вошла в палату и плотно закрыла за собой дверь. И только тогда Вероника решилась пошевелиться. Собственно, окаменела на месте она не от страха – кого ей бояться? Ею овладело странное чувство – неужели можно жить вот так? Смотреть поверх всех голов не потому, что презираешь людей, а потому, что с высоты своего роста можешь видеть то, что не дано другим?

Дверь палаты беззвучно открылась, показались Анна Валерьевна и Юлия.

– Вероника, – приветливо обратилась к ней бухгалтер, – ты не могла бы оплатить сейчас палату и медицинские услуги? С завтрашнего дня мы будем по безналичному оплачивать, за счет фирмы.

– Касса внизу, слева, – сказала Юлия и сунула Веронике деньги, при этом так и не посмотрев на нее.

Вероника встала и, кажется, впервые после того, как выросла так неожиданно, выпрямилась и голову подняла как можно выше. Тяжеловато, но привыкнуть можно. Она спустилась по лестнице, не дожидаясь лифта, долго разбиралась в кассе, наконец получила нужные квитанции и пошла обратно. И, открывая дверь на лестницу, столкнулась с мужчиной в спортивном костюме. Значит, это больной, подумала Вероника и тут же отметила черные синяки вокруг его глаз. Здесь, в травматологическом отделении, не было в этом ничего странного, значит, ударили человека по голове, вот синяки и проявились.

Вероника остановилась, пропуская мужчину, но он, вместо того чтобы пройти, вдруг придержал дверь.

– Здравствуйте! – В голосе его прозвучала самая настоящая радость. – Вот хорошо, что я вас встретил!

– Простите? – Вероника нахмурилась было, но решила – по выражению его лица, – что он просто обознался.

Не в том человек положении, чтобы приставать к незнакомым девушкам – здоровье не позволяет, да и к ней, если честно, на улице никогда не вязались.

– Вы меня не узнаете, – в его голосе прозвучало самое настоящее огорчение, – ну конечно, с такой-то рожей... Мы с вами три дня назад встречались, ну, вы еще меня в сознание привели...

– Так вы... – озарило Веронику, – тот, кого по голове ударили?!

Тут их разговор беспардонно прервала толстая тетка с двумя тяжеленными сумками, в которых она несла продукты своему сыну или мужу.

– Слушайте, вы бы хоть в сторонку отошли, встали на проходе и ни туда ни сюда!

Тетку можно было понять – из одной огромной сумки явственно пахло жареной курицей с чесноком, тетка купила ее тут же, в ларьке возле больницы, и боялась, что курица остынет.

Мужчина потянул Веронику в сторону, к окну. Она взглядела в него с удивлением. Вроде бы раньше он был даже симпатичным, впрочем, она не очень помнит. Теперь же его здорово портили черные круги вокруг глаз.

– Что, на очкового медведя похож? – грустно улыбнулся он. – Стукнули по затылку, а синяки на лице появились. Я что хотел сказать, – заторопился он, – вы уж простите меня за то, что так невежливо с вами обошелся. Видно, и вправду не в себе был, даже спасибо вам не сказал за то, что вы помогли мне тогда.

– Все-таки решили в больницу поехать? – спросила Вероника из вежливости, чтобы поддержать разговор.

– Да нет, сгоряча-то я домой поехал, отчитался перед Леонидом Романовичем, что украли у меня табакерку. Он расстроился, конечно, и я тоже. Ну, пошел я домой, а к вечеру мне так плохо стало! Голова болит, перед глазами все плывет, тошнота и все такое... Вызвал «скорую», вот, привезли сюда, обследовали...

– Сотрясение мозга?

– Легкое, меня скоро выпишут.

– Ну, желаю вам скорейшего выздоровления... – Вероника уже повернулась, чтобы уйти, но тут же остановилась: – Вы говорите, табакерку у вас украли?

– Ну да, я по просьбе Леонида Романовича – это сосед мой – заезжал в магазинчик антикварный, за табакеркой. Старик как узнал, что меня ограбили, так прямо в лицо переменялся.

– Что, очень ценная? – невольно спросила Вероника, вспомнив табакерку, которую купила она, и как Светка Соколова над ней издевалась.

– Да по деньгам-то не очень, а старику она зачем-то нужна была... говорит, историческая ценность. С виду ничего особенного – какой-то тип на ней бородатый...

Вероника вспомнила, что она видела в магазине ту табакерку, этот противный парень-продавец пытался ее продать ей, но было дорого. Внезапно она сообразила, что очень долго отсутствует, наверное, ее уже ждут.

– Послушайте, – он верно угадал ее беспокойство, – я вас так не отпущу! Дайте номер своего телефона, когда я выпишусь и эта красота сойдет, – он мигнул, – мы хоть сходим куда-нибудь. Конечно, если вам удобно...

Она не могла не оценить его деликатность. Не стал ставить ее в неудобное положение, не спросил в лоб – замужем она, не замужем, есть у нее кто-то или нет. Вероника вовсе не собиралась выкладывать первому встречному все про свою жизнь.

– Доктор сказал – вы все правильно сделали, – заторопился он, – если бы я подольше там провалялся и холодное к голове не приложили бы, была бы гематома и все кончилось бы гораздо хуже. Так что я вам очень признателен. Ну, так дадите телефон? Кстати, меня зовут Антон.

– А я – Вероника. – И она сунула ему карточку с реквизитами фотоателье «Золотой глаз», которые шеф велел раздавать всем и каждому – повсюду. – Пока, поправляйтесь!

Анна Валерьевна с Юлией стояли уже в коридоре.

– Почему так долго? – нахмурилась Юлия.

– Народу в кассе много было, – спокойно ответила Вероника, стараясь донести до нее мысль, что она на жену шефа не работает и выполнила ее поручение исключительно из любезности.

И выпрямилась, так что они оказались ростом вровень, глаза в глаза, и у Юлии не получилось посмотреть на нее свысока.

В машине Анна Валерьевна, огорченно качая головой, рассказала, что у шефа из-за травм произошло частичное фрагментарное выпадение памяти, что помнит он только, как поехал по нужному адресу, а вот что там случилось – из головы вон. Очнулся в овраге от холода, рядом – машина сгоревшая, покореженная. Выполз кое-как на тропинку, добрые люди его подобрали, довезли до города и сдали в ближайшую больницу. Как он оказался на той дороге, кто его туда вызвал – шеф понятия не имеет. Упал удачно, сумел из машины выбраться, иначе бы сгорел, а так – только голову ушиб, нога сломана и два ребра. В общем, жить будет.

– Тихон, все ушли, можешь выходить! – проговорил Юрий Петрович, когда входная дверь закрылась за последним припозднившимся сотрудником бизнес-центра.

Сумка зашевелилась, из нее высунулся влажный черный нос, а затем – круглый любопытный глаз. Глаз внимательно огляделся по сторонам, моргнул, и из сумки выскочил Тихон – симпатичный жизнерадостный фокстерьер.

Юрий Петрович работал в бизнес-центре ночным дежурным, по-старому говоря – сторожем. Правда, в отличие от прежних сторожей, он был вооружен не допотопной берданкой, а современной электронной техникой. Перед ним на столе стояли телевизионные мониторы, на экранах которых дежурный мог, не выходя из своего закутка, видеть холл бизнес-центра и входные двери. В случае, если бы на этих мониторах появился злоумышленник, он должен был всего лишь нажать тревожную кнопку, после чего немедленно появилась бы группа захвата из частного охранного предприятия «Снежный барс».

Работа Юрию Петровичу нравилась. По ночам его все равно мучила бессонница, а тут можно было спокойно пить чай с печеньем и сушками, решать кроссворды и смотреть ночные программы по телевизору. Благо по какой-то необъяснимой причине отечественные телеканалы по ночам показывают гораздо более интересные передачи, чем днем или в вечерний прайм-тайм.

Правда, была одна проблема.

Проблему эту звали Тихон.

Тихон был очень привязан к хозяину, и когда по ночам того не бывало дома, он начинал громко лаять. Юрий Петрович с Тихоном проживали в так называемом хрущевском доме, звукоизоляция в нем была никудышная, и соседи, которым Тихон не давал сомкнуть глаз, обещали Юрию Петровичу принять самые серьезные меры, если он немедленно не прекратит это безобразие.

Юрий Петрович обратился к администратору бизнес-центра господину Пышкину с просьбой разрешить ему брать Тихона на работу, но тот, увидев Тихона, неожиданно уперся.

– Если бы у тебя был питбуль, ротвейлер или хотя бы доберман-пинчер – это еще куда ни шло, все-таки охранная собака. Можно было бы даже на довольствие ее поставить. А от этого мелкого недоразумения – одни неприятности! Охранник из него никакой, а нашкодить он вполне может! Испортит вверенное нам имущество или, не дай бог, нагадит в холле или на торговых площадях...

Юрий Петрович хотел возразить, что Тихон – пес воспитанный и, где не положено, не гадит, но тут в дискуссию вмешался сам фокстерьер. Услышав, что администратор обозвал его мелким недоразумением, он оскорбился и укусил Пышкина за щиколотку. То есть укусить он не успел, но брюки администратору порвал, отчего тот ужасно рассердился и приказал Юрию Петровичу немедленно удалить с объекта это мелкое, но весьма вредное создание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.